

Антонина КАРИМОВА

г. Павловск, Ленинградская обл.

ДЕВОЧКА

*«Приподнимай людей, если ты их любишь,
а не опускайся с ними еще ниже...»*

Александр Нестеренко

БЫЛА

ДЕТСКИЙ САД

ЖИЛА-

С каких же пор я начала осознавать себя на свете? Пожалуй, самая первая запомнившаяся вежа моей

жизни — детский сад, куда меня привела девятилетняя сестра. Мне около трех лет. У порога сестра шепчет, пугая:

— Веди себя хорошо, а то тебя «выключат».

Я не знаю, что это означает, и полдня кошкой

тихо обследую углы, со страхом поглядывая на необычайно большой черный выключатель-рубильник на стене, при нажатии на рычажок которого произойдет мое «выключение».

После обеда нас укладывают спать. В спальную комнату заходит в белом халате воспитатель с маской Бабы Яги на лице, но голосом Зинаиды Ивановны велит засыпать. С трудом пытаюсь совместить эти два образа, боюсь, но успокаиваюсь, что ничего страшного не произойдет. Стоявшая рядом в кроватке девочка Надя от страха расплакалась и описалась. Воспитатель переодевает ее, а я лежу замерев, тихо, как мышка.

В детском саду единственная кукла достается с утра первому пришедшему ребенку и в течение дня переходит из рук в руки. Какое же счастье, когда она оказывается у меня, прижатая к груди... Играла бы целый день, не выпуская из рук. Кукла целиком пластмассовая, включая огромный бант на голове.

...В детский сад приходит фотограф и ставит в

зале тренажник с фотоаппаратом. Воспитатель по очереди поднимает девочек на высокий, обтянутый черным дерматином стул. Сунув в руки любимую всеми куклу, говорит, указывая в сторону тренажника:

— Смотри туда — птичка вылетит.

Подхожу близко к закрытому черным балахоном фотографу, но никакой птички не вижу. Не доумеваю, почему же все говорят о птичке, а та не вылетает.

Подходит моя очередь фотографироваться. В руках кукла. Но когда фотограф просит смотреть в окошечко, откуда должна вылететь птичка, недоверчиво думаю:

— Не вылетит. Ни у кого не вылетела, значит, и у меня не вылетит...

И тут же с надеждой впиваюсь взглядом в объектив:

— А вдруг все-таки она у меня вылетит?

Дома бабушка Ирина, взглянув на готовый портрет, констатирует:

— Съест ведь глазами-то человека...

А на портрете запечатлена всего-навсего детская мечта о птичке в недоверчивом и вместе с тем полном надежды взгляде.

ФОТОГРАФИЯ

Вечером фотограф, обосновавшись в чьей-нибудь избе, встречает по очереди целые семьи. Нарядные дети с родителями идут, как на праздник, запечатлеть себя на память. Младший брат прячется на печку, боится фотографироваться, полагая, что исчезнет, переместившись на открытку. Его как-то уговаривают. На меня надевают взятый напрокат матросский костюмчик.

С портрета девчушка глядит недоверчиво-строго, не веря, что вылетит птичка, и все же надеясь. В глухую деревню, давно позабытую Богом, явился фотограф, в дремучести удостоверясь.

Народ как на праздник, изба переполнена светом, ковер с олененком, садимся семьей на диванчик. Брат плакал — боялся: а вдруг он исчезнет бесследно и лишь на картинке останется маленький мальчик.

Но сходства с портретом я в зеркале вижу все меньше.

И только в глазах та же самая птичка надежды...

С радостью хожу в детский сад. Нравятся боль-

шие многоместные качели во дворе. Зинаида Ивановна подсаживает нас на длинную широкую доску, веля крепко обхватить друг дружку за спину, и раскачивает. Со стороны качели кажутся большой сороконожкой.

И теперь: стоит мне сесть на какие-нибудь качели — тут же внутри поднимается знакомый шепчущий восторг. Не поверите удаче: недавно, выйдя с компанией из кафе, не устояла перед раскинутым на площади батутом, пустующим из-за непогоды, и, оставив все предрассудки, скинув босоножки, забыв о возрасте, за двадцатку вволю напрыгалась, будучи совершенно в трезвом состоянии. Наверное, мне повезло не расстаться с детством, сидящим во мне жизнерадостным щенком, готовым в любую минуту вырваться наружу и резвиться.

КАПА

1957 год. У старшей сестры Капы в 18 лет проявился скрытый порок сердца. Врачи отказались что-либо делать. Привезенная из районного города, она лежит на кровати с опухшими, как столбы, ногами и слабеет с каждым днем. Однажды просит маму:

— Mamочка, можно, когда я там пообживусь, Тонюшку от вас к себе заберу? Очень ее люблю, мне с ней там веселее будет, да и тебе легче...

Похоронили Капу, а через два месяца со мной случилась беда. Вскипятив утром самовар, мама налила из него воды в ковш, чтобы остыла: отец собирался бриться. Подбежав к столу, я ухватила за ручку ковша и опрокинула на себя кипяток. С меня, визжащей, стащили платье, а вместе с ним прилипшую к ткани кожу с шеи, плеча, груди...

Повезли в районную больницу, но там не оставили. Привезли назад. Началась каждодневная пытка перевязок. Отец, не выпуская из дрожащих губ папиросы, сбегал пораньше из дому, чтобы не присутствовать при экзекуции. А мама, еще не отойдя от непоправимой утраты Капоньки, превратилась в безмолвную тень. Бедная мамочка, сколько же она перенесла...

Сама я абсолютно ничего не помню: ни боли, ни мучений. Говорят, что снова пришлось повесить люльку и всем по очереди качать меня, верещащую: «Папа, дуй, мама, дуй!»

Вскоре мама родила младшего брата, и меня

отправили к бабушке Ирине в деревню Ёргу за девять километров. Выживу так выживу...

Умница бабушка лечит народными средствами: намазывая тельце медвежьим или барсучьим жиром и накрывая простынкой. И никаких бинтов! Дело пошло на поправку.

Срок моих мучений составил ровно 9 месяцев. Можно сказать, заново родилась...

Позднее мама опасалась, что не вырастет левая грудь. Но она выросла, правда, в шрамах, увеличивающихся с возрастом вместе с телом. С грудным вскармливанием детей проблем не было — молока было поровну. Маленькие детишки, увидев шрам на шее, обычно спрашивали:

— Тебе что — голову отрезали?..

БАБУШКА

Мне пять лет. Я знаю буквы, читаю и с удовольствием пишу имя сестры на стенах коридора. Строгая бабушка Ирина, взяв в руки веник, показывает, как надо подметать пол; вяжет из пучка сена куклу, но кукла мне не нравится, у нее нет лица. Люблю играть с поленом или со свернутым в рулончик домотканым половичком, ощущая тяжесть ребенка на руках, или с собственным коленом, рисуя на нем послунявленным химическим карандашом мордашку и укачивая, прижав колено к груди.

Бабушка учит расчесывать колючими щетками шерсть на кудель и прядь пряду на веретено. Усадив меня на нижнюю часть пряслица в виде большой перевернутой буквы «Г», к верхнему резному концу прялки привязывает расчесанную кудель, а рядом с куделью вешает моток с льняной ниткой. Сначала за льняную нитку привязываю к прялке веретено, как козленка. Поплевав на пальцы, вытягиваю из кудели шерстяную нить и, ссучив, то есть скрутив их вместе, пробую прядь. Самое трудное — это, одним движением крутанув, как юлу, веретено, наматывать пряду. Поначалу веретено не слушалось, норовило выскочить из рук и освободиться от наверхенной на него пряжи, да еще и запутать ее. Ссученная нить получалась разной толщины и годилась только на грубые носки или варежки. Удивляюсь, что навык тот остался, наверное, на всю жизнь. Бабушка же научила несколькими молитвам, заговорам.

Один заговор от сглаза звучал очень поэтично:

*Встану, благословясь, пойду, перекрестясь,
из дверей дверьми, из ворот воротами
на широкую улицу, в чисто поле.*

*Во сыру землю уткнуясь, белым светом понакроюсь,
частыми звездами поутычусь,
утренней зарей, вечерней матушкой подпояшусь...*

Любимая молитва — ко сну, от которой становилось тепло и уютно и верилось в какой-то Богородицын замочек:

*Ложилась я спать ко Духу святому,
крест на мне христовый — Богородицы замочек.*

*Лягу я, запрусь, никого я не боюсь,
Аминь святой молитве.*

*Ангел мой, пойдем со мной
к телу моему на спасенье,
к душе моей на сохраненье.*

Аминь.

Бабушка умерла зимой, когда мне исполнилось пять с половиной лет. Помню: стою у гроба вместе с младшим братом Коленькой трех лет и плачу, толкая его в бок:

— Плачь! Надо же плакать...

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Летом мне исполнилось шесть лет. Гостила у двоюродной бабушки Марии, одиноко живущей в той же деревне Ёрга, где меня выхаживала бабушка Ирина. До войны у Марии были муж Тимофей и четверо сыновей. Уйдя один за другим на фронт, сыновья — 18, 20, 22 и 24 лет от роду, погибли, не успев даже повоевать. На Тимофея в конце войны похоронка пришла. В молодости бабушка некоторое время работала горничной в районном городе Великом Устюге. Красивая, с высокой прической, в платье с белым кружевным воротничком — на дореволюционной фотокарточке.

Удивляюсь: у нее нет утюга, даже такого, как у нас, с трубой, страшного, как огнедышащий дракон. Я всегда забиралась в дальний угол, наблюдая, как одна из сестер, начинив утюг, как пирог, тлеющими углями, размахивает им, раскаляя докрасна.

— Чем же ты гладишь? — спрашиваю бабушку.

— Рубелем, — показывает та деревяшки, одна из них с просечками и есть рубель.

Накрутив на скалку полотенце, катнет по столу

или по рубелю, и ткань, особенно льняная, становится относительно ровной и мягкой.

Умывальника у бабушки нет. Его заменяет широкая сверкающая медная плошка, типа низенькой кастрюльки с носиком, подвешенная в углу над тазом. Надо приноровиться, чтобы умыться, осторожно наклоня емкость. Одно неловкое движение — и раскачавшаяся плошка тут же двинет по лбу или обольет водой. Каким отсталым показался мне дореволюционный быт бабушки!

Гораздо современной висевший дома примитивный умывальник с пипочкой, которой так здорово брэнчать и брызгаться с братом.

Бабушка Мария, как и бабушка Ирина, строга. Теперь-то я понимаю, в чем дело. Шутка ли — потерять всех красавцев сыночков, кормильца-хозяина и куковать в одиночестве со своим прошлым, продолжая жить, работать... Но, будучи ребенком, пробыв у нее несколько дней, я затосковала по маме, запросилась домой.

— Обожди, — говорит бабушка, — уедешь завтра на лошади с почтальоном.

— Знаю дорогу, дойду сама, — упрямлюсь я.

Не знаю, как бабушка отпустила меня, скорей всего, я самовольно убежала. Пройдя два километра растянувшихся за деревней полей и спустившись в низину к Студеному ручью у кромки леса, смотрю: дорога раздвоилась.

По какой тропинке идти, не знаю. Что делать?

Бухнулась на коленки, как учила бабушка Ирина, и стала плача творить самодельные молитвы:

— Помоги мне, Боженька, подскажи дороженьку, по какой идти...

Пошла по правой. Пройдя метров сто, смотрю — сбоку к ней и другая тянется. Оказывается, в низине шли параллельно и опять в одну сошлись.

Дальше дорога через лес. То потихоньку иду, то вприпрыжку, напевая песенки. Вдруг испугала мысль: а что, если волк? Хоть и слышала, что волки летом не нападают. А вдруг? Отломив прут, со всей прытью мчусь вперед. Устав, успокаиваюсь, замедлив ход. А пути не видно конца.

За три километра до дома, у речушки Крутихи меня настигает всадник на лошади, милиционер.

— Куда это ты, кроха? — спрашивает.

— В свою деревню, — отвечаю, как Красная Шапочка.

— Ну, садись в седло, устала, наверное, — подсадив меня на лошадь, сам пошел рядом.

Еду, не натягивая уздечку, жалею нежные, бархатные лошадиные губы. Обожаю лошадей, но так редко выдается счастье проехаться верхом. Раз в году отец, правда, брал напрокат лошадь, чтобы вспахать огород, и, конечно же, сажал меня на нее, но я не выдерживала без седла, быстро натирала ноги о широкую спину кобылы Чайки и просила ссадить на землю. В удобном кожаном седле я впервые. Лошадь смиренная. Счастье — ощущать под собой живое транспортное средство.

Последние два километра дорога, словно прильнувшая к речке, вьется вдоль полей, а на другом берегу, как куры на насесте, видны дома деревни. Меня распирает гордость, и я уподобляюсь лягушке Гаршина, которой хотелось всем похвастаться, что это она придумала способ путешествия на утках.

«Это я, это я!» — хочется крикнуть, чтобы все подружки увидели меня, важно сидящую на лошади, а рядом дяденьку в военной форме!

А милиционер, оказывается, приезжал по трагическому поводу: в той деревне, где я гостила, утопился взрослый парень из-за неразделенной любви...

УРОК

Осенью, собрав в чемоданчик-баретку книжки, как Филиппок, иду с сестрой в школу. Учитель сажает нас рядом. Немного почитав учебник «Русской речи», толкаю в бок, пристаю к ней с вопросом:

— Люся, когда кончится урок?

Та сердито шикает на меня. Ожидание переменки мучительное. Урок кажется таким длинным, что желание ходить в школу надолго пропадает.

В стужу с утра, надев на босу ногу валенки и завернувшись в шаль, бегу к подруге Капе, живущей по соседству через дорогу, играть.

— Охти мнеченьки, — всплескивает руками Капина мама, добрейшая тетя Рая, — в такой-то мороз! Поди, всю жопу-то отморозила? Ужо матери-то скажу, что с голыми лытками бегаешь.

Тетя Рая направилась к моей маме в гости, а мы с Капой, предоставленные самим себе, играем в принцесс. Обмотавшись подзорами от кровати, напяливаем на головы плетенные из крученой проволоки хлебницы, а поверх — кружевные накидушки для подушек. А как хочется

иметь длинные волосы! У принцесс всегда такие пышные волосы. Их имитируем с помощью шалей. Накинув на голову шаль, углы ее сзади соединяем и обматываем ленточкой. Получается длинный, тяжелый, как настоящая коса, хвост, болтающийся по спине. И так приятно ходить с запрокинутой назад головой, ощущая гру́зило за спиной. Так проходит зима.

СОЛНЦЕ ИГРАЕТ

Любимое занятие — встать рано утром и, сидя на высоком крыльце, глядеть на солнце, напевая песенки. Мама говорит, что раз в году, в Пасху, солнце играет.

— Как это? — спрашиваю.

— А ты гляди внимательней и увидишь.

Мне кажется, что я действительно вижу, как солнце прыгает из стороны в сторону, а его поверхность то подернется дымкой, то засверкает, как начищенная монетка.

— В старину говаривали: кто игру солнца увидит — вырастет самой баской девушкой, — продолжает мама, и я, конечно же, верю ей. Вернувшись в избу, скорей к зеркалу — не стала ли красивее.

С тех пор привычка в любое погожее утро сидеть на крыльце, ожидая восхода: не играет ли солнце в незапланированные дни? И как было не воспользоваться таким простым способом, чтобы стать красавицей!

*Расчесал кудельку ветерок по небу,
вот бы на недельку в сказочную небель.
Мне бы птицы крылья — я бы полетела,
на родном крыльчке тихо посидела
и, как в детстве, солнцу песенку бы пела,
на меня б в оконце матушка глядела...*

— Девка-то твоя, моленая, каждое утро, гляжу, на крыльце сидит, — замечает тетя Рая маме.

— «Кошка» моя ждет, когда корову подою. Пьет только парное молоко, а чуть остынет — не притронется.

— А моя Капка, беда, совсем молока не пьет, один чай дует, тянется, как соломина, жимолость зеленая.

— Ничего, кости есть — мясо на них нарастет, вон какие пустосмешки, резвые да веселые, как овечки, Бог храни... — успокаивает мама и продолжает: — У меня ведь беда приключилась

сегодня. Чуть живого петуха сняла утром с твоей изгороди, повесился с горя. Своих кур мало стало, так на твоих кутюшек позарился, да не рассчитал высоту препятствия, когда перелетал, зацепился крыльями, и застряла голова между штакетин... Голова — в твоём огороде, а сам — в проулке висит, крыльями трясет, шею уже перехватило.

— Ну да уж и петух, такого бы и не жалко, прости Господи. Больно драчливый, никому проходу не дает. Всех ребятишек перепугал. Нельзя спокойно по улице пройти, чтобы не напал на какого-нибудь робенка, — сетует тетя Рая, нисколько не соболезнуя пострадавшему петуху.

— А потому что инкубаторский. Свои-то петухи намного спокойнее, у нас таких драчливых отродясь курицы не высиживали, — делится мама.

— Поди, после испытания сменит характер, присмирееет...

— Да уж натерпелся страху, кур не перестал бы топтать, — озабочилась мама...

Как-то выучила с мамой песню о Машеньке. Кстати, никогда позже не слышала ее ни по радио, ни по телевидению. Подозреваю, что она народная и сохранилась только изустно.

Вот ее слова:

*Брала-брала Машенька земляничинку,
уколола ноженьку о шипичинку.
Боли-боли, ноженька, да не больно,
любил меня миленький, да недолго...*

*Любил меня миленький лишь годочек,
собрался мой миленький в городочек.
Со всеми подруженьками простился,
со мной, молодешенькой, постыдился.*

*Ой, как я молоденька-молоденька,
коса моя русая коротенька.
Ой, как мою косоньку девушки плели,
косу мою русую милый расплетал...*

Теперь ее поет моя дочка. Передала по наследству от мамы песню.

ШКОЛА

Школа. Первое сентября. Хожу между старшекласниками, как в лесу меж деревьев,

боясь потеряться. Первая учительница Галина Калиновна, грустная, с гладко зачесанными темными волосами, в длинном бордовом платье. Я не помню ее улыбающейся. Хотелось слушаться ее и сидеть тихо-тихо.

Во втором классе — Дина Яковлевна, полненькая, с завитыми каштановыми кудряшками, веселая, как девчонка. С ней хотелось играть и быть рядом. Учителя меняются каждый год. Никто не остается надолго. Деревенская глушь. Дина Яковлевна квартирует в избе моей подруги Капы. Я ей завидую: улучаю момент и под любовью предлогом забегаю к ним в гости.

Запомнилась Нина Вениаминовна, синеглазая, белокурая, веселая, любившая с нами по вечерам гулять, рассказывать легенды про созвездия, планеты, устраивать походы на загадочное Векшенское озеро с необыкновенно прозрачной, зеленовато-песчаного цвета водой, с карасями, с плескающимися в нем по ночам выдрами. Абсолютно круглое, с километр в диаметре, этакий чудо-глаз, обрамленный елями, пихтами, — оно необычайно глубокое, расположено за двенадцать километров в тайге, родникового происхождения, с сильным круговым течением в центре, оказавшись без весел на середине которого — не выплывешь. Проверено.

НОВЫЙ ГОД

Новый год. Отец идет за речку к Пихтовскому ручью и приносит пихту. Ветки пушистые, с мягкими иголочками. Наряжать — одно удовольствие. В избе чисто. По обыкновению, после бани мама сидит у теплой стенки русской печи, а я расчесываю ее густые, спускающиеся до пола волосы и, любуясь и завидуя, заплетаю, не дав высохнуть, в две длинные косы. Раз в неделю позволяется мне это удовольствие.

Потом с соседками-подружками несемся в клуб.

В длинном узком коридоре с нетерпением ждем, когда распахнутся двери и перед нами предстанет огромная нарядная елка, а перед ней, сняв пальтишки, предстанем мы в самодельных костюмах. Я — Снежинка — в платье из марли, на голове — корона из картона с пришитыми стеклянными бусами и наклеенными на вату битыми елочными игрушками. Танцуем и поем вокруг елки, бегаем в догонялки, затем выступаем на сцене. Несоответственно наряду

почему-то рассказываю запомнившуюся басню о вороне и лисице. А потом, счастливые, несем домой призы, бумажные кулечки-подарки с неизменными любимыми мандаринами.

САПОГИ

Сцена клуба. Летом пробираемся на взрослые сеансы, садимся на пол, вытянув ноги в уголке сцены, и смотрим фильмы. Кассир и уборщица в одном лице кареглазая тетя Катя очень добра и всегда пускает нас в кино бесплатно. Фильмы чаще всего индийские. Дома, забравшись с головой под одеяло, долго реву от сострадания к героям. Сколько же детских слез снискали душещипательные картины!

В День Победы жалостливо пою на сцене песню «Враги сожгли родную хату». Сидящие в зале женщины плачут.

Расту, как мальчишка, смелой, отважной. Мечтаю стать шофером или летчицей. Нравится запах бензина, люблю сигать с крыши дома или с берега реки в сугробы, ползать по деревьям, скаtywаться на лыжах с крутых берегов.

После ссоры с сестрой, загнавшей меня на чердак, а потом на крышу, прыгаю оттуда в плотный весенний снег и застреваю в нем. Выбираюсь уже босая. Новые резиновые сапоги, напаянные преждевременно и завязнувшие в снегу, как козьи ножки, откопать не удалось. Когда спустя месяца два они оттаяли — их не узнать: ни блеска, ни белой байковой подкладки. Помнится, очень жалела их.

ЖАЛОСТЬ

Первой потерей была кошка Мурка, закушенная собакой. Умирать Мурка уползла под клетку поленницы дров и там околела. Отец ее вытащил и захоронил за речкой без ведома нас, детей.

Второй потерей был Джек, собачонка-болонка, которую принес откуда-то отец. Джек подросток и свободно разгуливал по селу. Но однажды увязался за собаками в соседнюю деревню за 4 километра, где его загрызли чужие собаки.

Но самая большая трагедия произошла зимой. Идя из школы, уже издалека вижу непонятные хлопоты людей в огороде: какой-то чужой мужчина, а рядом отец с матерью. На снегу огромное распластанное тело, кровь, ведра, та-

зы. На изгороди — шкура нашей коровы Белухи. Бегу в слезах к Капе, залезаю у них на печку, реву, не хочу идти домой. Бедная Белуха, добрая старая корова, совершенно белая, с коричневым пятнышком на ухе, позволявшая детям трогать вымя и дергать за соски, старше меня на много лет — и вот ее больше нет на свете. Вспомнилось, как летом она идет с поскотины домой. Остановившись перед домом, несколько раз подаст сигнал: мол, встречайте меня, я пришла. Мама отрежет ломоть хлеба, посыпав солью, и я бегу угощать ее. Белуха захватывает длинным языком хлеб и аппетитно ест. А я, взяв прут, отгоняю с ее огромного белого туловища прилипших оводов и мух. Шкура Белухи подергивается от укусов кровососущих тварей, как будто пытаюсь стряхнуть их. Мне ее ужасно жаль, не дожусь, пока мама откроет темный двор, где корова будет в безопасности от насекомых. И, пока мама доит Белуху, я глажу, сидя на ступеньках лесенки, теплую коровью морду.

Мое начало — и в той потере —

с пятном на ухе коровы белой.

Ее под старость забили вскоре. Какое было большое горе. Два дня ревела, ее жалела,

клубком свернувшись на теплой печке, и долго мяса совсем не ела, сльвя притихшею овечкой...

Мама успокаивает:

— Корова уже старенькая, 16 телят принесла. Мы же от нее телочку Чернушку оставили. Обгулялась уже. Весной опростается, с молоком будем...

Не ем мяса. Мама берет в магазине тушенку в банках и варит суп. Только удостоверившись в этом, сажусь есть.

Тяжело примириться с утратой. Думаю: все, кого мы любим, остаются где-то рядом. Требуется время, чтобы привыкнуть к их отсутствию наяву. Мысленно они долго или навсегда остаются с нами. Моей подруге Нине после смерти кота, прожившего у нее 14 лет, первое время по ночам чудилось: умывается, ходит по комнате, тихо будит ее... Так мы устроены.

ЗОЯ

Мне двенадцать с половиной лет. После школы сидим на печке с подругой Зоей и гадаем: смогли бы мы выдержать пытки или нет, слу-

чись война. Я сознаюсь, что нет: всех партизан выдам сразу же. А вот босиком по снегу — слабо?

Как по команде, скидываем чулки, валенки и, увязая голыми ногами в снегу, совершаем по огороду два круга, не успев почувствовать холод. Снег крупный, сыпучий, покрытый сверху настом, только разогрел кожу. Покрасневшие ноги горят как ошпаренные.

Года три назад (в сорок лет с гаком) я сиганула зимой в прорубь — ради интереса и за компанию. Ощущения — будто выскакиваешь из бани, а внутри тебя самовар, очень комфортно, приятно, щеки жаром пышут! Но регулярно обливаться холодной водой или купаться в проруби — не для меня! Хотя и вижу, что последователи Порфирия Иванова, каковой является старшая сестра, будучи на пенсии, благодаря закаливанию избавились от хворей, давлений, ожирений и замечательно выглядят; единомышленники встречаются, ведут здоровый образ жизни, никогда не плюют на землю в прямом и переносном смысле и всем желают добра и здоровья. Что сказать? Молодцы! Но считаю садизмом бросание в прорубь младенцев! Согласилась бы закаляться по-японски, с точностью до наоборот — в горячих источниках. Скорее, ничего не стану делать впрок. Не приветствую накопительство чего бы то ни было, считаю: все лишнее — портится, будь то ковры или накопленный в телах жир. И умышленное голодание — не для меня, даже тоскливо слышать об этом. И не хочу зависеть от идей. Предпочитаю свободу в поступках, желаниях. Остаюсь «вольнодумкой» и «неверующим Фомой», как называла меня мама.

Вернусь к Зое. Ей 21 января исполнилось тринадцать. В спортзале мы всем классом подбрасываем ее 13 раз и все, словно по команде, убираем руки, одинаково подумав: «И без меня опустят на пол». Зоя, естественно, лишняя поддержки, падает на пол, ударившись спиной, и не дышит несколько секунд. Стоим над ней, решив, что убили. Но она задышала, и, слава Богу, все обошлось.

ВАЛЕРА

Но вскоре произошла действительно непоправимая трагедия — застрелился мальчик из нашего класса. В воскресенье вечером играли,

толкаясь, на горке, катались, бегали вместе с ним, к ночи разошлись по домам. А Валера пошел к конторе, на которой висел почтовый ящик, снял его, вытряхнул письма и стал читать при свете фонаря на столбе. За этим занятием его и застал физрук школы, Юрий Павлович, пообещав сообщить о поступке мальчика на школьной линейке в понедельник.

Валера побрел домой. Сняв со стены в кладовой ружье 16-го калибра, зарядил крупной дробью и направился к берегу реки, где стояла их баня. Сев на лавку протопленной с субботы бани, разулся, прижал ствол к грудной клетке и, нащупав пальцем ноги курок, спустил его.

Анатомию мы еще не проходили. Но он попал в сердце, разорвав его дробью на мелкие кусочки. Лежит, похожий на восковую куклу, ни кровинки в лице. Мы стоим около гроба, вокруг — лапки еловой хвои. Боясь вдыхать воздух с запахом смерти, прячу нос в шерстяной платок. Не верится...

Помнится его ранимость. Получив двойку, побледневший, с синими губами, сжав кулаки, он направляется к своей парте-камчатке, где сидит в одиночестве.

Однажды, классе в четвертом, на перемене он крутил на нитке пуговицу (была такая игра), а мы, стайка девчонок, стояли рядом. Пуговица сорвалась и угодила в мой сапог.

— Отдай пуговицу, — сурово обращается он ко мне.

Не знаю почему, но я замотала отрицательно головой и, даже не успев произнести слова, ментально получила от него кулаком в нос. Из носа брызнула кровь, меня увели в учительскую и уложили на диван.

На следующий день узнала, что после уроков ребята устроили ему «темную». Наверное, это ужасно, когда тебе набрасывают сзади на голову куртку и бьют, причем неизвестно кто. Это стыдно, обидно, должно быть. Что мне стоило тут же вернуть ему злосчастную пуговицу? Но ведь вредная какая! Ждала вежливой просьбы, а не грубого приказа...

Бедный, бедный мальчик. Конечно, ему нужна была помощь взрослых, а мы, дети, ничего не понимая в психологии, жестоки, мы чураемся таких детей, не любим их и от этого еще больше обижаем. Какой-то замкнутый круг. Валера не нашел выхода из него.

Уже учась в городе, приезжаю на каникулы.

Его мама заходит к нам с угощением — творогом, сметаной. Молчаливо сидит, глядя в мою сторону и, вероятно, думая о своем мальчике, тихо переговариваясь с моей мамой. От ее взгляда тягостное состояние, похожее на чувство вины: я живу, радуюсь, а Валерки нет. Разве это уместно? Стыдно радоваться, когда рядом такая утрата. Почему-то хочется попросить у нее прощения...

Р. С. Сразу оговорюсь, я не мистик. Но через год физрук Юрий Павлович поехал на попутном груженом МАЗе-лесовозе в больницу навестить свою мать. Не доезжая восьми километров до станции, где дорога шла под уклон, сломалась одна опора у МАЗа, и, лишенные крепежа огромные ели стали сваливаться в кювет, опрокидывая грузовик. Шофер успел выпрыгнуть на дорогу, а физрук, открыв дверцу со своей стороны, провалился в глубокий снег и увяз в нем. Его завалило ссыпавшимися бревнами...

Пока встретила попутная машина, пока вызвали со станции трактор, пока этот трактор растащил бревна...

Ни ушиба, ни перелома, ни царапины не обнаружили на теле Юрия Павловича. Даже баночка варенья оказалась целехонькой в кармане куртки. Задохнулся он от длительного сдавливания грудной клетки...

На похоронах слышу чей-то шепот:

— Не отпустил ведь его Валерка-то от себя, с собой взял...

Разве можно всерьез воспринимать эти слова? Таково роковое стечение обстоятельств... и халатного отношения к людям, жизненной неустроенности. До больницы можно было доехать только на почтовом автобусе, который ходил три раза в неделю, лесовозы же — каждый день. Не мог подождать три дня Юрий Павлович — понадобилось с больной матерью увидеться именно в этот роковой день. А было-то ему чуть более двадцати...

Две трагедии. На кого можно списать ответственность за них? Почему так неуютно устроена наша жизнь? Что в наших силах и что не зависит от нас? Много вопросов...

УТРАТА

Да, это произошло в мои первые зимние каникулы. После сессии, взяв билет на поезд до Котласа, еду домой. Без телеграммы, люблю

сюрпризы. От нетерпения увидеться с родными, не дожидаясь почтового автобуса, ловлю возле станции грузовик с брезентовым тентом. Январь, мороз за 30. Ничего, 25 километров — пустыки.

Вот уже дом за рекой. Сердце заходится от радости. Зайдя в избу, вижу отца в ватнике, собравшегося в лес за сеном. Он сгребает меня в охапку, прямо в пальто, хлопая ладонями по спине. Опустив на пол, поворачивает, как куклу, любуясь. А я в новом драповом темно-зеленом пальто с чернобуркой, купленном на свою тринадцатую зарплату — до поступления в институт успела поработать в пригородном совхозе. Обнимаясь с ним, не догадываюсь, что в последний раз... Он уезжает в лес, а спустя три часа привезут его, скоропостижно скончавшегося от сердечного приступа. В 60 лет...

Но еще ни о чем не подозревающая, я бегу здороваться с замерзшей речкой, с лесом за рекой, с покрытыми снегом пожнями. Моя бы воля — не покинула бы этот край. Но отец после окончания школы настоял: нечего в этой глуши делать, кроме как навоз месить или сучья обрубить на лесоповале; детский сад и школу закрыли. Деревня обречена...

Вглядываясь в песчаное дно проруби, удивляюсь: как же с каждым годом мелеет, высыхает река под толщей льда, приходится заступом углублять дно в проруби, чтобы зачерпнуть воды. Бедная речка. Сколько же леса вырубали в верховьях ее, сколько штабелей сплавляли по ней весной. Высохли питающие ее ручьи. И вот, обескровленная, засыхает, безмолвно страдая. Дальше — больше... Судоходная прежде Сухона, в которую впадает наша речушка, сохнет, вот-вот закроется речное судоходство. А какие красивые были в Великом Устюге берега с видом на нее...

Наносив воды в баню, затопила каменку и принялась наводить порядок в избе, дожидаясь из магазина маму. Как же я люблю её — порой такую далекую, грустную, молчаливую, с навсегда поселившейся печалью в глазах. Думаю: неужели это все из-за самой старшей моей сестры Капы, которой я совсем не помню? Мне же было всего два года, когда та умерла от порока сердца. Капе исполнилось 18 лет, и схоронили ее как божью невесту.

Незадолго до смерти мама призналась:

— Стою возле выкопанной могилы, а вы — четверо — мал-мала меньше, рядом, да в живо-

те 7-месячный ребенок, и думаю: всех бы вас за Капоньку-то Богу отдала, столкнула бы в яму, лишь бы она воскресла...

Помню, не по себе стало от этих слов.

Сдержанно радуясь моему приезду, мама хлопочет по дому, а мы с двоюродной сестрой идем мыться в баню, чтобы вечером успеть на танцы.

Возвращаясь из бани домой, гляжу: все дорожки, разметенные мной от снега, испорчены. Трактор почему-то проехал мимо крыльца, разворотив сугробы, везде натрясено сено. Сердась, открываю дверь в избу и вижу старшего брата Толика, исподлобья уставившегося на меня.

— Здравствуй, Толик, — здороваюсь радостно.

В ответ — молчание. Недоумеваю, прохожу в комнату, где сидят, застыв, как на фотографии, положив руки на колени, соседи — дядя Проня и тетя Лида.

— Здравствуйте, — приветствую их.

Но они тоже молчат. Поворачиваю голову влево и вижу прямо на полу лежащего отца, под головой фуфайка. Будто спит. Присев, глажу холодный лоб, крепко закрытые глаза. Все поняв, медленно встаю и иду на кровать. Свернувшись калачиком, тихо плачу. Рядом сидит мама, гладит рукой по плечу, голове, приговаривая над ухом: отец прожил полную жизнь, все-таки войну прошел, многое повидал на свете. Жалеть надо молодых, кто не успел хлебнуть жизни...

Хорошо бы это было сном. Но я просыпаюсь и вижу две скамьи, на которых стоит гроб.

Снится один и тот же сон. Отец обнимает меня, похлопывая по спине ладонями. Как при встрече...

Каникулы превращаются в ожидание и кажутся застывшей вечностью. Сидим с мамой и ждем кого-то. Скрипнет ли от ветра дверь на мосту — мы настораживаемся, как будто сейчас распахнется дверь и войдет отец с охапкой дров.

Отец любил меня и гордился. Шутка ли, из этой глуши и в большом городе учится младшая из трех дочерей.

Вернувшись в город после похорон отца, часто думаю: для чего живут люди? Какой смысл во всем?

СВАТОВСТВО

И снова вспоминается отец. А что я знаю о нем? В очередные каникулы выпрашиваю у мамы.

Отец родился в 1914 году в крепкой крестьянской семье. Кроме него, у бабушки Ирины еще трое сыновей и одна младшая дочь Анна. Хозяйство зажиточное, десять коров. Сыновья растут опорой отцу, а дочка — на радость да утешение матери. И вот один из сыновей, Александр, или Олэкса, как все звали отца, заметил девушку Наташу из соседней деревни и решил сам к ней посвататься.

А у деда Маркела с бабушкой Анной было девять дочерей да один сын Захар. Известное дело: девок растить — знай приданое готовь, сплошные убытки. Сына дед похоронил. Старших дочерей замуж отдал, да еще всех по очереди, по старшинству. На выданье оставались младшие двойняшки — Дуся и Наташа, к последней и наострил Олэкса лыжи.

Дед Маркел отговаривает его от Наташи:

— Рано еще ей замуж. В куклы играет, да и дури много в голове. Пустосмешка да пересмешница. Бери лучше Дуську. Та — девка степенная, рассудительная. А Наташка — егоза, на камне дыру просверлит.

Упёрся Олэкса: хочю, мол, Наташку.

Дед Маркел, придвинувшись ближе, тихо втолковывает ему:

— Ну какая тебе разница? Девки и статью, и обличьем одинаковые, и днем-то не разберешь, где какая, не то что ночью. Советую тебе взять Дуську и всё тут.

— Хочю Наташку. Или ее — или никого, — упрямится завидный жених.

Вздыхнул дед и, делать нечего, уступил, отдал ему Наталью. А Наталья не посмела слушаться родителей, хотя люб был ее сердцу Серафим — тихий и смирный парень. Посидели они вечером, держась за руки, поплакали и распрощались на веки вечные.

Спустя много-много лет, незадолго до смерти, мама призналась:

— Хоть бы одним глазком Серафима-то увидеть...

Позови он ее тогда убежать из дому родительского — пошла бы за ним на край света. А тот робок был. И не хотели они оба прогневить Бога, пойти против воли родительской...

ПАСТУХ

В сорок лет мама родила меня. Но помню, как Отец признавался ей:

— Ох, и люблю же я тебя, Наташа.

А она смиренно, всю жизнь, позволяя себя любить, рожала и растила детей, вела хозяйство, что-нибудь обязательно пекла каждый день: пироги или шаньги, селянки, ярушники, рыбники, и радовала нас, детей. Иногда, правда, из-за отсутствия в магазине пшеничной муки мама месяцами пекла из гороховой. Даже не хочется вспоминать надоевший до тошноты, отвратный гороховый хлеб. Ну, а с пшеничной мукой — праздник, особенно вкусные пироги с сушеными грибами, с хайрузом в сметане, со щукой, которую ловил брат на жерлицы...

Скажет мама, бывало:

— Тоня, помой посуду.

Сделав вид, что не слышу просьбу, продолжала заниматься своими делами. Мама достает из печи чугунок с водой, наливает в таз воду... Зная, что дважды просьба никогда не повторится, не выдержав, подскакиваю петухом, молча отодвигаю ее плечом в сторону и берусь за мытье.

Не помню, чтобы она повышала голос. Она вообще не умела ругаться, кричать. Как я мечтала в этом хоть капельку быть похожей на нее! Но вопреки поговорке: «яблочко от яблоньки...» получилось. Тихая, скромная, и что у нее в душе было — хоронила. Даже чувство юмора скрывала, как будто стесняясь смеяться: отвернется в угол и — ни звука, только плечи выдадут, трясутся.

Младший мой брат пошел в школу. Сидит над тетрадью с двойками. Мама, глядя его по голове, приговаривает нараспев:

— Ну хоть один-то сынок никуда от нас не уедет, пасти коров будет. В пастухи и с двойками берут.

Тот ревет:

— Не хочю коров пасти...

Позднее, спустя много лет, гостившая у мамы 13-летняя внучка Наташа будет развлекать бабушку песнями в стиле «рэп», и та пожалуется:

— Тоня, я ведь с ней весь живот надорвала от смеха...

А Наташа будет напевать речитативом на хулиганский манер:

Надену я пиджак в полоску или,

допустим, брюки в клетку,

достану с понтом папироску или, допустим, сигаретку.

Поеду к девушке любимой или, допустим, не любимой,

зовут ее, допустим, Риммой или, допустим, Серафимой.
Куплю, допустим, два букета:

гвоздик, допустим, и пионов
или, допустим, два билета
на фильм американский про шпионов.

Скажу ей: будь моей женою или, допустим, не женою.
Ты будешь счастлива со мною или,

допустим, не со мною.

Она, допустим, покраснеет или, допустим, побелеет,
или, допустим, почернеет — значенья это не имеет.

А после скажет: «Знаешь, Вася» или,

допустим, «знаешь, Петя,

не для того я родилась и не затем живу на свете,
чтоб слушать мне такие речи». И я на это ей отвечаю:
«Иди-ка ты заре навстречу».

И сам пойду заре навстречу.

С кровати я вижу, как мама беззвучно давится смехом в углу за печкой, вжав голову в плечи и закрывая рот уголком платка... А Наташа признается, что ни разу в жизни не видела бабуску смеющейся.

ПОСЛЕ БАНИ

Помню, любил отец, попарившись в бане, расслабиться, выпить, как и все настоящие фронтовики. До Берлина дошел на полуторке. Маме рассказывал, что в рейхстаге за столом фюрера в кожаном кресле сидел и у того под стеклом фотографию Сталина видел. Не знаю, правда ли, но у отца никогда не было привычки привирать, обманывать. Скорее всего, правда.

Ну так вот, выпив после бани, по обыкновению заснул. Мама полезла в голбец — подполье — перебирать картошку да скотине мелочи набрать, прикрыв за собой крышку-дверцу, а то, не приведи Господи, свалится пьяный в подпол — костей не соберешь. А отца как будто кто «по тревоге» поднял. Вскочив с кровати, забегал в поисках:

— Наташа!

Мама раза два отозвалась ему. И слышит: пол над ней заходил ходуном. Печь посередине избы стоит, а отец — то в одну, то в другую сторону кинется, решив, что мама с ним играет и прячется. После ругаться стал. Пришлось ей выбираться из подполья и успокаивать пьяного дурня, которого все же по-своему любила...

«САЛАТ»

А еще отец любил всякие новшества в кулинарном деле. Ранней весной ходил в лес за сморчками, которые никто, кроме него, не ел. Придумывал разные рагу, запеканки и помогал маме их готовить. И меня приобщал к делу, зимой с удовольствием лепила с ним пельмени.

Как-то купил отец в районном городке семян: салат, говорит маме.

Та засеяла грядку, а появившиеся в июне листочки, по просьбе отца, обрывала и, мелко нарезав, подавала ему со сметаной, недоверчиво глядя, как тот с аппетитом их ест. Сама не пробовала: ко всему нетрадиционному относилась с опаской.

На какое-то время про салат забыли. А в конце июля, придя утром из огорода, мама осторожно просит отца:

— Ступай-ка в огород — посмотри на свой салат.

А я — вперед отца. Взору предстала грядка, на которой был посеян «салат», сплошь усыпанная крупными светло-малиновыми цветками-граммофончиками, видимо, совсем не ядовитыми. Удивленно хмыкнув, отец молча направился в избу. А мама, идя за ним следом и пряча смешки в уголок платка, не удерживается, констатируя:

— Со сметаной-то, конечно, что угодно съешь. Всё вкусно будет...

ДОЛЖНИК

Как-то, будучи еще женихом, занял Олёкса у Наташи три рубля. Вскоре же посватался и женился на ней, забыв об этом факте.

Мама, бывало, попрекнет его за тот долг, а отец шутя оправдывается:

— Я же тебе всю получку до копейки уже тридцать лет отдаю, так что давно перекрыл свой долг.

А в ответ слышит:

— Это не считается. Те три рубля ты же у меня в девичестве одолжил и не отдал...

Так и остался он вечным должником у мамы.

МУХА

Впервые на летних каникулах — в доме без отца.

«Ужо не обдуришь старую ворону. Ты хитра, а

я хитрее тебя буду. Небось, дольше твоего на свете живу», — слышу сквозь сон.

Открываю глаза: мама с ветошью преследует по избе муху. А та будто дразнит ее: то сядет на здоровенный гвоздь, торчащий в матице для люльки, то спрячется в складку запечной занавески. Но вот муха оплошала и села на равнину — широкую печную трубу. Мама, привстав на носки, махнула тряпкой. Муха как ужаленная взвилась под потолок и юркнула за занавеску на печь, сопровождаемая словами: «Убить хоть и не убила, а одну-то заднюю ногу тебе, небось, повредила. Хромая-то, поди, долго не проживешь да и много хлеба не съешь...»

ОТЕЦ

Отец. Первые воспоминания, связанные с ним. Сажает к себе на колени, берет кусочек сахара и якобы втирает его в кожу. Сахар исчезает у меня на глазах. Изумленно гляжу на это чудо...

Сидя на крыльце, играю на губной гармошке, привезенной отцом с фронта. Из дерева коричневого цвета, с красивыми металлическими решеточками. Если на ней играет брат — всегда прибегает соседский пёс Товарищ и воет до тех пор, пока не смолкнут звуки. Родители ругают, а нам забавно и удивительно смотреть на Товарища. Казалось: точно так, должно быть, воют волки в лесу...

Отец бреется опасной бритвой. Иногда случаются порезы. Кричу:

— Папа, ты порезался!

— Где? — спрашивает он.

Протягиваю к его подбородку руку, чтобы показать место пореза, а он, как щука — «Ам!» — хватается меня губами за палец...

Нравится, когда он садится на большой табурет для самовара возле русской печи и медленно пускает кольца папиросного дыма, а я, как под облаками, пробегаю под ними взад и вперед...

Всё лето отец ходит в соломенной шляпе. Мне тоже купил шляпу, только с загнутыми вверх полями. Первый день постоянно хватаюсь руками за поля, настолько она нравится. Впечатление от обнов, пожалуй, самое сильное, будь это красные или синие ботинки, оранжевое платье в белый горошек. Подолгу хожу, держась за подол, любуясь оборочкой

или белым нарядным рантиком башмачков. Радости хватает на много дней, а памяти — на всю оставшуюся жизнь...

Я школьница. Отец любит ходить на родительские собрания. Приходит с них довольный, в замечательном настроении: вижу, как сияют его синие глаза, когда он смотрит на меня. Этакое признание в любви.

*В доме топится печь, слышу мамину речь —
как же этот уют мне желалось сберечь!*

*И, завидев отца, я шагаю с крыльца
в несказанный тот свет дорогого лица...*

ВОЙНА

Отец — бывший фронтовик. На полutorке дошел до Берлина. Воевал на разных фронтах, освобождал Белоруссию, Польшу, Чехословакию, Румынию. Рожденная через десять лет после войны, что я могла знать о тех годах? Как и многие фронтовики, отец не любил говорить о войне. Только со слов мамы известны некоторые факты, эпизоды.

Как-то при отступлении фашистов колонна наших машин с «катюшами», во главе которой шла машина отца, направилась к мосту. Отец благополучно проехал, а вторая следовавшая за ним машина на середине моста подорвалась. Заминированный мост, естественно, вместе с тем грузовиком рухнул в воду. По роковой случайности его полutorка миновала мину...

Однажды их часть расположилась на привал. Отец подъехал к реке, встал под крутым обрывом, заглушив двигатель, и уснул. Не слышал звука немецкого самолета-разведчика, сделавшего над ними круг, а спустя двадцать минут проснулся от рева бомбардировщиков, накрывших поляну. Мало кто уцелел тогда. А часть расформировали...

Холодной осенью 44-го года произошел забавный случай. Освобождая Польшу, в одном местечке, где расположилась их часть, отец охранял ночью колодец от возможных диверсий. Замерзнув в кирзовых сапогах, дождавшись смены караула, решил зайти в соседний домик погреться. Постучал. Хозяйка приглашает: мол, проше, пан.

Отец заносит ногу за порог и, поскользнувшись, падает. В ту же секунду слышит над ухом оглушительную автоматную очередь и

видит рухнувшую на пол хозяйку. «Вот и конец», — успел подумать, закрыв глаза...

Когда всё стихло — очнулся. Открыв глаза, удивляется: хозяйка живая поднимается с полу. Смотрит вверх — а потолок над ним, как решето, продырявленный. И тут дошло: да это же его собственный автомат ППШ, висевший за спиной, от удара об пол всю обойму в 60 патронов в потолок выпустил. Слегка контуженный, здорово он перепугался тогда, признавшись только маме...

После окончания войны отцу в качестве трофея досталась канистра со спиртом, которую он держал в кабине грузовика, а по пути прикладывался к ней. На привале начальство унюхало, и провинившегося шофера посадили в яму. Скучно отцу сидеть, спрашивает приставленного к нему солдата:

— Выпить хочешь?

— Так нет же ничего, — отвечает грустно тот.

— Сбегай в мой грузовик, там в кабине канистра, да и мне принеси фляжку.

При смене караула обнаружилось, что солдат уже вдребезги пьян. Со сменившим его повторилась та же история. После обнаружения в мертвецком состоянии третьего караульного начальство приказало:

— Гнать этого шофера Ананьина к чертовой матери из ямы, а не то он весь караульный состав спойт!..

Рассматривая как-то его военный билет, обнаружила на последней страничке написанную собственноручно маршалом Коневым благодарность за храбрость. После смерти на его имя раза два присылали из военкомата поздравления с Днем Победы. Не по себе было читать эти открытки.

Храню последние письма, написанные отцом, в которых он всегда обращался ко мне непривычно официально, на «вы». Красивый грамотный почерк, поздравления, пожелания всего-всего...

БЛОКАДА

Однажды, заехав на Старорусскую улицу к однокурснице, поразились прошедшей в кухню пожилой сухонькой женщине, соседке по коммуналке, посмотревшей на меня таким радужным взглядом, что не хотелось отводить глаз. Господи, думаю, да почему же она так хорошо смотрит на совершенно чужого ей человека?

Пройдя в комнату, спросила Татьяну о старушке.

— Ты ни за что не подумаешь, какая у нее судьба! — восклицает та шепотом, сев на диван.

Во время войны у Марии, тогда молодой женщины, было двое детей, мальчик четырех и девочка шести лет. Первым в середине блокады тихо умер от недоедания муж, так как выменивал свой паек на сигареты или отдавал детям. После снятия блокады Марию с детьми посадили в поезд, повезли на Урал. По дороге скончался Миша. На одной станции просят вынести из вагонов умерших. Мария оставляет на насыпи сына, накрыв его пальтишком. Какая-то женщина говорит ей:

— Пальтишко-то зачем оставляете? Ему уже не пригодится...

Несчастливая женщина приезжает в уральский городок. Разместили всех. Через несколько дней посылает дочку за углем и не дожидается ее. Девочку нашли под завалами угля. Произошел несчастный случай. То ли не заметили малышку... От потрясения Марию парализовало: онемели ноги ниже колен и руки ниже локтей...

Спустя два года Мария встала... За ней долго ухаживал один хороший человек, пришедший с фронта и полюбивший несчастную молодую женщину, каждый день учил ее заново ходить.

— Ты должна ходить, — упорно ставил ее на ноги, требуя сделать несколько шагов, чтобы организм вспомнил, для чего ему нужны конечности. По вечерам выносил ее в сквер за домом и учил, как малышка, передвигать ноги.

Сажал ее на кухне на стул, как королеву на трон, чтобы только давала распоряжения по хозяйству: как и что готовить. Любовь творит чудеса. Можно сказать, вынянчил ее, как ребенка, и она вышла за него замуж и родила счастливую дочь. Вот такая судьба... Теперь у старушки двое взрослых внуков...

«Как же она такое перенесла?» — удивляюсь про себя.

— Я рада, что сейчас всё хорошо у нее, — со вздохом облегчения говорю Татьяне.

Хотелось, уходя, расцеловать старушку. Но она бы не поняла меня.

А говорят, горе огрубляет человека...

ПИСЬМА

Отец на фронте стыдился кому-либо показать мамины письма, дня два втихаря постигал смысл написанного. После смерти отца пришлось маме снова учиться писать. Читаю ее смешные каракули:

«...Тоня, извини, что плохо написала, может, разберешь как-нибудь. Буквы, каких не хватает, — добавляй сама ... Мороз 47 градусов, очень холодно. Чернуха еще не опросталась, 6-й день переживает... Желаю тебе талана (то есть удачи, счастья)». «...Папу видела во сне: ругается, не велит плакать, мне так и легче стало. Я ему сказала: «Сам умер, а матюги живут». Пенсию я получила, только мало дали — сорок рублей. Ничего не поделаешь... На сороковой день соберитесь вместе, помяните папу, он суп любил свежий. Я пошлю мяса свежего, наварите супу, но плакать не велит...»

«...Сей год скот выпустили 6 мая, очень рано. Лето будет теплое: черемуха процвела, весна жаркая. Коровы все время в речку лезут, зной гонит их в реку. Такая весна была в 45-м году. Поздравляю с Днем рождения, дорогая, а открыток нет на почте...» «...Со скотом не знаю как и решить. Без коровы тоже плохо, хотя бы еще два года продержат. Не знаю, хватит ли сил. Без коровы скучно, дом пустой, а двор пустой — еще хуже. Все думаю, как и быть, посоветуй, Тоня...»

Из последних писем, после инсульта:

«...Получила от тебя посылочку. Грела самовар маленький, пятилитровый. С таким аппетитом напились с конфетами чаю. Песок надоел. Дали песку 15 килограммов по бартеру за лес от правительства — огромное спасибо! Всем довольна, за меня не переживайте. Духом не валюсь, головы не вешаю. Что суждено — так и живу. В город не хочу, неохота. Делаю лекарство — взяла бутылочку водки за 300 рублей, заливаю волчье лыко и мажу руку». «...Тоня, мне хочется, чтобы у тебя была дочка... Мальчик всегда в правом боку, девочка — в левом... Купила ведро брусники, ведро клюквы. На днях Ограпка зарезала свинью полторагодовалую, взяла не очень жирного пять килограммов, мешок муки — на весь год хватит. Вы не берите во внимание, я хожу с палочкой...»

«...Толик гостил, спешил ехать. Хотела блинов попечь, пошла по дрова. Только набрала немного — как ударило в левую руку и ногу. Чую: не встать. Закричала Толика, он меня затащил

домой. Хорошо, свои медикаменты — волчье лыко, не таблетки. Вы не переживайте, тебе нельзя расстраиваться, отразится на ребеночке. Сама будь спокойной. Толику не велела писать вам, а сама наквасила. В баню хожу к Ограпке недалеко, дрова ношу корзинкой небольшой. Добра и здоровья вам, радости и счастья, храни Господь. Может, разберете...»

НЕ ТЕМ ПУТЕМ

Родившись в 1916 году, мама всего два года проучилась в школе. В семье десять ртов, в том числе девять девчонок. Подростких девочек отдавали в няньки за кусок хлеба. Некогда учиться, надо как-то кормиться, выживать. Девки в крестьянской семье — разорение в хозяйстве. Девку растить — что добро в окно бросать. Следуя неписаным традициям, каждой нужно приданое при выходе замуж. Чаще всего таким приданым была корова. Поэтому и обрадовались родители, когда посватался к маме отец из семьи, до революции владевшей лавкой, а после сохранившей в хозяйстве десять коров. Много было охотников раскулачить деда Михаила, но ведь хозяйство на своём горбу держалось да на руках четырех сыновей. Не смогли придраться, а то загремел бы дед на Соловки, как его брат Федор. Тот из жалости двух батраков держал-кормил, вот за это власти и «отблагодарили». Двоюродный дед Федор вернулся с Соловков в 90 лет после смерти жены и доживал остаток лет сначала у нас, а потом у бездетной тетушки Ирины в соседней деревне. Добрейший дед, с окладистой бородой, продолговатым благостным лицом, похожий на святого, никогда в жизни не бравший в рот спиртного и курева, никогда не произнесший дурного слова, вернувшийся с Соловков, он подолгу сидел на лавке у окна и неизвестно о чем думал...

Со слов мамы, у отца до войны был замечательный характер. Не пил, матерного слова от него не слыживала. Война подменила человека. Долгое время его преследовали эпилептические приступы как следствие ранения, контузии. Помню: маленькая еще, сижу на печке, испуганно глядя из-за занавески, как отца корежит на кровати, мама около него, а лицо отца бледное, неузнаваемое. А я совсем не понимала происходящего...

Не дурак был отец. Имел семь классов образования, машину водил, в технике разбирался, в

плотником деле, печку любую мог сложить, трубы-колена из железа кроил, клепал, валенки валял, диваны деревянные с резными подлокотниками мастерил, не говоря уже о хозяйственных постройках, банях. На все руки мастер.

Но не прыгнуть через свою голову. Установлен потолок зарплаты. Выбирай — или пенсию по инвалидности после войны, или ограниченный потолок заработка.

— Неправильным путем мы идем. Человек на земле должен богатеть своим трудом, а не разоряться, живя в убыток, обрекая многодетную семью на нищее существование, — доверительно делился он с мамой. — Видел во время войны, как жили крестьяне в Польше, Венгрии, Чехословакии, если есть участок земли. А у нас — все в дедовских дореволюционных избах живем, это в лесу-то. Своей не дадут построить. Гляди, бараков понастроили и для кого? Пригоняют на лесоповал, как скот, людей откуда-то, отрывают от родных мест: и литовцев, и латышей, и с российских окраин, селят в барачные норушки с крохотной печуркой, где ни кола ни двора. Только огородик и могут вольно-поселенцы да вербованные завести. Разве с этого начинают жизнь? Ну, вырубят в округе весь лес, сплавят его по реке, и что здесь останется? Разор. Ручьи высохнут, река обмелеет. Разве бережливый хозяин так поступает? Чем занята власть? По дворам скотину считают, даже кур. Не дадут более одной коровы да поросенка держать, а на лошадь и вовсе запрет. А ведь насколько бы с лошастью легче в хозяйстве. Что ни возьми — все на своем горбу. Много ли протянешь, горбятся? И чего боится государство, что крестьянин лучше жить начнет? Со всех сторон препоны, учет-контроль. Слышанное ли дело: даже кожу с забитого поросенка обязан снять и сдать государству. А разве сохранишь шпик без шкурки... В войну в Белоруссии да на Украине фашисты ходили по избам-хатам, забирали всю соль и высыпали в грязь, чтобы крестьяне не могли сохранить для себя мясо, а сдавали оккупантам... Нет, не тем путем мы идем...

«ДОГОВОРИЛСЯ»

Как-то сидел отец с мужиками-фронтвиками, выпивали. На стене висел плакат с «троицей»: Сталин в окружении Молотова и Берии.

Говорили о покушении, когда Берия якобы зарыл Сталина своим телом.

— Не верю я ему, — разоткровенничался от спиртного наивный отец. — Сталину верю, а ему — нет. Виссарионович не знает, что на местах творится. Во всем «окружение» виновато...

Вскоре отца вызвали в соответствующие органы и присудили десяток лет по 58-й статье — это фронтовику-то, отдавшему на войне здоровье...

Повезло — через год вождь умер и отца реабилитировали. Вернувшийся домой, он навсегда «прикусил» язык. Только маме исповедовался. А что претерпел и передумал за этот год — одному Богу известно.

ФЕНЯ

Втяжелую военную пору всё подчистую отдает деревня, сама живя впроголодь. Одна корова-кормилица и спасает детей. Отец на фронте. Мама в поле. Дома — двое крошечных девочек, которых нянчит бабушка. Но кому-то еще хуже.

У Фени муж-калека от роду, хромой из-за вывиха тазобедренного сустава, и пятеро детей. К концу войны, в 43-м, забирают Митю на фронт. Феня и сама-то слаба здоровьем, потому и сошлись они с Митей. А когда того забрали — совсем тяжело стало. Пятеро ртов. Накорми-ка всех. А в шесть утра должна быть в поле. Бывало, едва успев обрядиться с хозяйством, поставит Феня в печь какие-нибудь колобки для детей, а в избу — председатель. Берет с лавки ведро с водой и с размаху — в чело печи.

Недолго побыл на фронте Митя, на хромой-то ноге много не попрыгаешь, мудроно уцелеть. Похоронка пришла. Тут и опустились руки у Федосьюшки, слегла она, вскоре и померла. Детей ее, восьмилетнюю Катеньку и семилетку Степана, взяли в няньки да работники, а троих младшеньких забрали в детдом.

Так и жила Фенина Катенька, переходя из избы в избу, нянчась с чужими детьми, забыв о самой себе, кто она и откуда, нигде не учась, заставшая в развитии и детском возрасте, не знавшая замужней доли.

Иногда Катенька, будучи уже полной пожилой женщиной, приходит к маме, жалуется, как ребенок, на недобрых людей, на шутки подвыпивших, дразнивших ее пристающих мужиков.

— Ох, какой грех-то — сироту обижать, — сокрушается мама, зная судьбу этой Катеньки.

В Троицу на кладбище слышу разговор возле могилы Федосьюшки:

- *Некому плакать о бедной Федосьюшке.*
- *Муж — на войне, и сама вскоре сгинула, старшие детки по людям скитаются, младшие — в детских домах где-то маются.*
- *Да уж не маются...*
- *Верно, уж взрослые.*
- *Только, поди, не отыщут могилку-то бедной Федосьюшки...*

АННУШКА

Вспоминается еще одна судьба. Приезжая в отпуск, часто слышу о себе:

— Вылитая Анна, копия ведь Анны — баькиной сестры...

Пристаю к маме: расскажи о ней.

Анна, умершая в 22 года, до войны, задолго до моего появления на свет, младшая сестра отца. У родителей росла она баженницей — в неге и холе, как же — четверо братьев, а девочка одна, все её любили, от работы оберегали.

Девка на выданье, но с характером. Как-то посватался к ней Василий из старOVERского скита, расположенного за 12 верст вверх по реке, низколобий, похожий на кабана, с черной щетиной волос на голове, растущих прямо от бровей, с маленькими, близко посаженными и всегда глядящими исподлобья глазками.

Сероглазая, русоволосая Анна дает резкий отказ Василию, ожидая и надеясь увидеть на пороге Вениамина, любого ей парня. А тот возьми да и посватайся к другой. От отчаяния Анна скоропалительно, словно кинувшись в омут, передумывает и дает согласие выйти замуж за Василия. Тот увозит ее из родительского дома в старOVERческий скит.

А спустя несколько месяцев нехорошие слухи стали доходить до родителей Анны. Свекровь невзлюбила невестку. Будто бы видели: Анна несет копну сена, «а по ногам-то кровь живая так и бежит».

«С мужиком спать может, а работать не может, что ли?» — отпарировала на чье-то замечание свекровь.

А вскоре сообщили, что Анна не встает и даже слышны ее крики из избы.

«Можете забирать свою порченную», — процедив сквозь зубы, передала свекровь через нарочного.

Отец поехал за ней на лодке, другого пути и не было.

Прозрачная Анна с восковым, без кровинки, личиком сидит как неживая на стульчике. Так, на стульчике, отец и перенес ее, легонькую, в лодку, поставил стульчик с ней и поплыл домой.

А через неделю утасла Анна.

Хрупкого телосложения, выросшая среди четырех братьев, оберегаемая всеми от тяжелого крестьянского труда... То ли надорвалась, то ли из-за того, что как-то на сенокосе Василий обломком жерди по спине ее полоснул. Известно: муж любит жену здоровую...

Бедная Аннушка... Я постараюсь быть счастливой и за тебя. Пытаюсь представить ее лицо. Но даже фотографии нет.

— Да ты и вправду похожа на нее, — говорит мама, всматриваясь в мое лицо.

— А что Василий? — спрашиваю дальше.

А Василий посватался к старшей маминой сестре Ирине. Наслышанная об Анне, не хотела Ирина идти за него, да не посмела послушаться родителей. Четыре раза она сбежала, уходила от Василия лесом вместе со своей короной — своим приданым. И четыре раза тот возвращал ее назад. И некому было защитить Ирину.

И родители, как чужие, стояли холодной стеной. Позором считалось возвращение дочери в родительский дом от живого мужа. Смирилась Ирина со своей долей и прожила век с этим дремучим, нелюдимым немтырем, охотником, не нажив от него ни детей, ни радости...

ВАСЬКА

Август. Каникулы. Гляжу в окно: в нашем огороде, расположенном над крутым обрывом реки, бродит молодой соседский козел Васька.

— Смотри, — говорю маме, — козел в огороде.

— Возьми рукавицы, нарви крапивы да выгони, — просит она, — а то всю картошку в земле провизит ведь — продырявит насквозь острыми копытцами.

С крапивным пучком подбираюсь по бороздам к козлу и стегаю его по морде. Тот, принявшись, с аппетитом стал жевать крапиву прямо из моих рук. Всю съел.

Возвращаюсь ни с чем.

— Возьми да повесь его за рога на жердь изгороди, — советует мама.

— А ты думаешь, получится? Он же тяжелый.

— Попробуй.

Снова иду в огород, подзываю:

— Вася, Вася...

Угостившееся крапивой, ничего не подозревающее животное подходит ко мне. Взяв его за рог, веду к изгороди, приподнимаю за голову и цепляю рогами, как крючьями, за жердь. Васька стоит на задних ногах, ерзая-скользя по жерди рогами. Выходя из огорода, оглядываюсь: козел как ни в чем не бывало бродит по огороду, объедая зеленую картофельную ботву.

— Спихни его с берега под слуду, — предлагает предводительница-родительница.

Так и делаю. Васька, раз или два перевернувшись через голову, стоит внизу под обрывом. Встав на коленки и протянув вниз руку, зову с берега:

— Вася, Вася...

Что вы думаете? Карабкается наверх, поскользываясь, обрушивая песчаный склон, и встает доверчиво передо мной. Пусть обрету репутацию садистки, но, схватив его за рога и вытащив наверх, повторно толкаю вниз. То ли Васька решил, что я играю с ним, но и во второй, и в третий раз он взбирается ко мне. Вот уж действительно горное животное. Устав его вытаскивать на берег (все же мы, пожалуй, равной весовой категории), убеждаюсь в бесполезности урока.

— Запри его в сенцы, в баню. А вечером выпустим арестанта из карцера, когда хозяйка его с работы придет, — нашлась мама.

Так и делаю, выдворив к вечеру пленника, осквернившего черным горохом святое банное помещение.

И что же? На следующий день Васька опять разгуливал по нашей картошке.

Он не зря облюбовал наш огород. Со стороны реки забора нет. Каждую весну, в половодье, берег подмывается водой и обрушивается, а площадь огорода при этом ежегодно сокращается, к радости неразумных детей, то бишь нас, окучивавших картошку. По крутому склону в огород никто не пойдет, кроме злополучного козла, война с которым была бездарно проиграна...

— Ладно, на наш век картошки хватит, — успокоила себя мама.

Все-таки не зря придумана поговорка: «Пусти козла в огород — не оберешься хлопот».

ОКАЗИЯ

Утром пришла озабоченная чем-то соседка Ограпа. Пошущукавшись с мамой на кухне, уходит. А приключилась с ней такая оказия.

Утром Ограпа обрядилась с коровой: напоила ее, подоила и, как была в мокром платье и фартуке (корова, когда пила, поддала по ведру рогом и окатила ее водой), погнала свою Чернуху на поскотину.

На обратном пути заглянула на крыльцо пустующей летом школы-интерната и, открыв деревянный короб, нагребла в подол фартука хлорки. Очень уж хорошо с ней белье отстирывалось.

Идет как ни в чем не бывало к дому, прижав добычу к животу, якобы грибов на пути с поскотины набрала, и ощущает непонятное жжение. Быстренько скидывает дома фартук с хлоркой, платье и, подойдя к трюму, видит пылающий заревом живот...

С этой бедой и прибежала рано утром к маме. Та, сообразив, в чем дело, дала ей баночку то ли с медвежьим, то ли с барсучьим жиром для смазывания живота, пряча улыбку в уголок платка:

— Грех, Ограпа, воровать-то. Бог ведь и наказал...

«ПРИДАНОЕ»

Я уже говорила, что у мамы есть сестра-двойняшка, Дуся, Евдокия, на которой мог бы жениться отец, последуй совету деда Маркела.

Так вот, сидят сестры как-то, уже в преклонном возрасте, беседуют. К ним присоединяется подруга Раиса.

Мама спрашивает:

— Ты-то, Раиса, приготовила себе «приданое»?

— О чем да не приготовила! — отзывается Раиса. — Давно узелок собран, в нижнем комодике лежит с подорожной грамоткой.

— Я-то бы тебя с радостью обмыла, — продолжает мама. — Ты вон, как овца, сухая да легкая, да и мыла на тебя мало пойдет. Не то что на Дуську, кобылу монастырскую. Ее-то обмывать не стану, да и не усилю.

— А с чего ты взяла, что я раньше тебя помру? Может, ты вперед меня? — вскинулась Евдокия.

— Так ведь ты-то первой у мамушки родилась, а я уже после тебя. Так что на целых полчаса тебя моложе...

Спустя несколько дней говорит приехавшему из города в гости внуку-первокласснику:

— Саша, ты когда будешь присылать мне открытку-то с днем рождения, так и бабушке Дусе тоже напиши открытку. Да смотри, в один конверт-то их положи. Мы ведь с ней вдвоем в животе у мамки сидели...

Внук изумленно глядит на нее, не представляя, как бабушка с такими габаритами могла поместиться в чьем-то животе, да еще и не одна.

Завидую маминому оптимизму, отсутствию паники, страха перед смертью. Во время отпуска показала мне в нижнем ящике комода приготовленные «для умирания» вещи, подорожную грамоту, чтобы не суетились и не искали при надобности.

Потом уже, в городе, глядя по телевизору на больных раком американских детей, обнаруживаю поразительное сходство в их поведении: одинаково радуются жизни и с достоинством готовятся к неизбежному.

ОЖИДАНИЕ

Давным-давно, следом за моим отцом, умер его брат дядя Андрей, слывший охотником. Помню, в последний приезд к нему на зимних каникулах спрашиваю:

— Дядюшка, в лес-то ходите?

Пожаловался шутливо:

— Лес уже не пускает меня к себе, деревья толкаются, ёлка на ёлку бросает: ступай домой, говорят...

Война укоротила век фронтовиков на десятки лет...

Навещаю 93-летнюю, давно овдовевшую тетушку, жену дяди Андрея.

— Как поживаешь-то, тетка Полашка? — спрашиваю.

— Ох, Тонюшка, — вздыхает она, — каждый бы день смертыньку-то жду, а она всё не идет. Забыла, видно, про меня. Я уж и дверь-то в избу открытой держу, не закрываю. А она всё стороной да стороной обходит.

— Да поживите еще, — не знаю, что сказать.

— Да устала я. И заждались меня все там — и мамушка, и Андрейко мой зовут к себе, снятся каждую ночь. Давно бы пора к ним-то, а я вот здесь маюсь...

Через месяц ее не стало. Дождалась...

ТЕЛЕГРАММА

Через два месяца у меня должна была родиться девочка. В дверях записка: позвонить на почту, пришла телеграмма.

Звоню. Чей-то чужой голос читает в трубке:

«Умерла мама...»

Ничего не понимая, спрашиваю:

— Какая мама, чья мама умерла?

— Наверное, ваша.

Опускаюсь на колени. Как же так? Чувствую, что теряю самое дорогое и важное, какую-то часть себя. Рыдаю от накотившего горя.

Но надо срочно что-то предпринимать, звонить, узнавать о поезде, покупать билеты.

В вагоне вскарабкиваюсь на верхнюю полку и тихо плачу. Впервые отправляюсь в такой безрадостный путь.

Через сутки поезд прибывает на станцию, а дальше автобус везет меня по темному, ставшему чужим и негостеприимным лесу. Последний поворот: за рекой вижу родной дом, светятся окна. Подхожу к нему, и становится страшно.

Несколько минут стою в нерешительности у крыльца, на котором любила сидеть в детстве по утрам и встречать солнце.

Страшно открывать дверь, за которой не будет мамы — живой, встречающей меня.

Она лежит в гробу. Глаза плотно зажмурены, а губы как будто улыбаются загадочно чему-то своему, неведомому мне.

— Милая моя, солнышко мое, — шепчу, глядя ее голову, повязанную платочком.

Засыпаю. И впервые за два дня вспоминаю о ребенке. Но странно, нет никакого шевеления в животе. Как будто плод внутри сжался в комочек и замер.

«Неужели умер?» — думаю, но, к удивлению, не пугаюсь этой мысли. Мне теперь все равно.

Спустя несколько минут из другой половины избы, где лежит мама, послышался храп. В ужасе вскакиваю и, заглянув за занавеску, вижу старшего брата, спящего на фуфайке рядом с гробом.

Утром он просыпается и озабоченно, с серьезным видом ищет что-то в ящике стола, говоря:

— Как же это я мог потерять?

— Что ты потерял? — спрашиваю испуганно.

— Да своё самообладание. Совсем не помню, как я спать лег и кто меня раздел.

Брат все время крутится около меня, отвле-

кает разными вопросами, смешит, пытается чем-то удивить.

Гроб ставят в открытую машину. Морозное мартовское утро. Сажу рядом и смотрю на лицо мамы. Ярко светит солнце. «Последний раз под этим синим небом...» — думаю. Кружатся редкие снежинки, безбоязненно опускаются на мамино лицо, не тают.

На кладбище кто-то сует мне за шиворот комок замерзшей земли. Возмущаюсь этим нелепым, как мне кажется, обычаем, передернувшись от холода:

— Зачем это? — и, пока вытряхивала из-за шиворота землю, вертась и ёжась, упустила из виду момент, как опустили гроб в землю и вырос холмик с деревянным крестом. Так быстро это сделали, без меня.

«Вот и все», — смиряюсь, отходя от холмика по глубокой траншее, вырытой в снегу. Два метра намело его нынче на кладбище.

Последняя ночь. Думаю: уже никогда я не захочу приехать в этот осиротевший дом. Но дом согревает каким-то прошлым теплом, и тянутся дымком воспоминания...

*Из-за паводков весенних высоко стоит
деревня серым журавлем.
Ей уже известно горе — протывает над рекою
без хозяйки дом.
И темны окошек рамы, на крыльце не видно мамы:
некому встречать.
Страшно открывать мне двери.
В то, что нет ее, не верю.
Только где искать?
Столько лет мне сердце грезивший,
а теперь осиротевший, ночь укрыла дом,
лишь сосна дрожит во мраке преданной
большой собакой — сторожем при нем...*

Еду в поезде, и чем дальше он уносит меня от родных краев — становится легче: непоправимое горе осталось позади, в каком-то другом измерении, в другой жизни.

Приехав, иду в ванную, включаю душ. Долго стою под теплыми струями воды и вдруг чувствую: живот оживает и в нем начинается энергичная деятельность. Ощущаю мягкие толчки. Кто-то, проснувшийся, недовольно упирается ножками в мой бок. И меня захлестывает радость: живой! Какое счастье! Переживал вместе со мной, все понимал, но не ме-

шал, не напоминал о себе... Чувствую, как эта радость вытесняет горечь утраты из сердца, утверждая: надо жить!

Но каждый раз в ночи, взглянув на какую-нибудь звездочку, думаю:

*Мамочка моя, солнышко мое, свет твой вдалеке сияет.
Образ твой святой тихою звездой мне в ночи мерцает...*

ТЕЛЁНОК

В первый год, девчонкой приехав в город и провалив экзамены в институт, иду работать на ферму дояркой в пригородный совхоз. Главный зоотехник Николай Семенович не хочет принимать меня на работу, отговаривая:

— Девочка, это тяжелая работа, не по твоим силам. Ты такая маленькая, хрупкая, а здесь тачки-вагонетки, вилы, лопаты, тяжелые бидоны. Иди и подумай...

Мне понравилась его отеческая забота. Через неделю возвращаюсь, лепечу-шебечу, что я сильная, жилистая и с работой справлюсь, у меня обманчивый хрупкий вид.

Но через год он не захочет отпускать меня и отправит учиться в институт, предоставив отдельную комнату для проживания, и, таким образом, определит мою дальнейшую судьбу, а я доверчиво поплыву по ее течению.

А пока я работаю на ферме, подменяя доярок на время отпуска, давая им выходные, иногда сторожу по ночам, не чураясь никакой работы.

Быстро научилась различать казалось бы абсолютно похожие морды пяти десятков коров: но у каждой — свое имя, характер, повадки, пристрастия, манеры.

Подключив доильный аппарат, присяду порой на край кормушки и чувствую, как корова лижет своим наждачным языком плечо, спину. Даже через плотный халат ощущаю благодарные коровьи ласки. А как же? Есть за что благодарить: кормлю, ухаживаю, дою. Часто сама в порыве ответной нежности обхватываю из-за плеча коровью морду и целую в пахнущий парным молоком нос.

Вечером, когда затихают насосы и на ферме воцаряется тишина, коровы одна за другой укладываются спать, долго ворочаясь, вытягиваясь, подыскивая удобную позу. Раздав по кормушкам сено, последний раз обхожу их ряды, как лежби-

ще тюленей, прислушиваюсь к глубоким вздохам, стою перед сном, ощущая теплую привязанность, любовь к этим пузатым добрым великаншам. Снятся ли им сны, думаю. Мне бы на их месте снились зеленые лужайки, залитые солнцем, и под боком — собственные телята.

Среди коров есть Невежа, которую нельзя выпускать на пастбище. Все коровы днем гуляют на солнышке, а ее, как преступницу, держат круглогодично на привязи.

— За что, — спрашиваю, — такое ей наказание?

— За то, что себя выдаивает. На пастбище, извернувшись, дотягивается мордой до вымени и высасывает собственное молоко.

Вот это да!

«Наверное, в детстве была лишена материнского. Наверстывает упущенное», — подумалось, глядя на бедную, лишенную солнышка Невежу.

И все же я выпускаю ее иногда на прогулку, как бы по ошибке. Все коровы с радостью несутся во двор, а она с таким просящим мычанием тянется за ними, что просто не удержаться от сострадания. Ругали меня, что удои по группе снижались на пол-литра в расчете на одну голову в сутки, не всегда догадываясь, что это из-за Невежи.

Как-то пришлось ночью дежурить в родильном отделении. Смотрю, одна корова беспокойно оглядывается на меня, будто прося о чем-то. Зову с соседнего двора сторожа. Оказывается, у коровы начались роды. С удивлением вижу, как показались раздвоенные черные, блестящие, как начищенные башмачки, копытца, затем ножки с влажной, но чистойшей белоснежной шерстью, и на ножках — вытянутая мордочка теленка с открытыми глазами и длинными ресницами.

— С рождением тебя, — приветствую его нос к носу и впервые испытываю необъяснимое счастье, восторг — от рождения теленка.

В этом чувстве — удивление чуду природы, непостижимому устройству, совершенству живых существ. Во мне утверждается, как закон: доверься природе, всё в ней устроено гениально, не мешай ей. Наверное поэтому позднее я не испытываю панического страха перед родами детей. И продолжаю верить: всё самое нужное находится внутри меня. Моя собственная природа спешит мне на помощь, а я не мешаю, не вторгаюсь в ее механизмы, следуя интуиции. Главное — не потерять связь, понимать себя, своеобразную генетическую программу, заложенную с рождения.

Обтерев теленка насухо сеном, переносим его в деревянную клетку. Спустя час, заглянув к нему, вижу: стоит уже уверенно на ножках, и такой чистенький, пушистый, что хочется обнять и расцеловать, что незамедлительно и делаю.

Долгое время не покидает ощущение праздника...

Работая в хозяйстве, участвовала даже в областном конкурсе доярок. Разобрав и собрав с закрытыми глазами доильный аппарат и подоив двух коров, получила призовое место и подарок: черную кожаную лакированную дамскую сумочку с позолоченными замками и арабские духи «Нефертити». Ну подумайте, подходят ли такие аксессуары восемнадцатилетней пигалице, не вылезавшей из спортивного костюма или джинсов? Сумку подарила сестре. А духи? Не смогла устоять перед их запахом, но пользовалась ими, только идя в выходные на танцы. Мне хватило их на несколько лет обучения в институте.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Я студентка. Мне 18 лет, но я, правда, очень наивная, глупая и отсталая в развитии и вешу всего 42 килограмма.

И не так далеко от того времени, когда считала (лет восемь назад посетила подобная мысль), что учителя принадлежат почти что к святым и совсем не ходят в туалет. Дожила до такого возраста, но еще не целовалась, разве что в щечку. Две моих подруги гуляют с парнями. А я только позволяю проводить до дома, говоря: пока. Подруги меня отчитывают:

— Тебе нечего будет в жизни вспомнить. Такой хороший парень по ней вздыхает.

А нежно влюбленный в меня Саша и вправду счастлив, если незаметно прикоснется носом к моим распущенным волосам.

Я же думаю про себя: ни целоваться, ни гулять не буду, пока не влюблюсь. Мне не нравятся ничьи прикосновения, даже руку не позволяю подержать, разве что рядом посидеть.

На танцах для соблюдения дистанции упираюсь руками в грудь парня, дабы не соприкасаться телами. И ничегошеньки ни к кому не чувствую.

Иногда думаю: может, я ненормальная? А вдруг я никого не люблю? Тогда возьму из детского дома ребеночка и буду воспитывать.

Познакомившись с очередным парнем, иду с провожатым и спрашиваю себя:

«Это он?»

«Нет», — отвечает сердечко.

Я грустнею и расстаюсь, прекратив встречи.

Однажды все же решаюсь поцеловаться только ради интереса: понять, что же это такое. Миша впервые после вечера в институте провожает меня. Мы стоим в парадной, на площадке между этажами. Замолкнув, он намеревается добраться до моего лица. Долгое время так же молча сопротивляюсь, отворачивая лицо, выскальзывая из объятий, но потом сознательно замираю, позволив поцеловать, и разочаровываюсь в содеянном, потому что ничего интересного и приятного. Даже частушка вспомнилась:

*Ярославские ребята не поют, а квакают,
целоваться не умеют, только обмуслякают.*

Вот это «обмуслякивание» мне и не понравилось. После того дня прохожу в институте мимо Мишки, как будто мы вовсе не знакомы, с чувством стеснения и какой-то вины, что не опривдала его надежд.

МОРЕ

Ребята с курса уверены, что у меня наверняка кто-то есть. Я не живу в общежитии, много времени пропадаю в спортзале. Занимаясь легкой атлетикой, многоборьем, езжу на соревнования, спортивные сборы.

На первом курсе в апреле командой прилетели на спортивные сборы в Адлер. Живем на турбазе «Ромашка». Месяц пролетел быстро. По две тренировки в день, потом купаемся. Вечером танцы, гулянья по городу, побережью моря. Наш добрый, заботливый, любимый нами тренер Михаил Александрович Жуков любит нас как отец и пасет как коз. Упаси боже кто потеряется.

Нравятся романтические прогулки по вечерам. Сидишь на берегу, а море, как гигантское доброе животное, дышит рядом, при выдохе отступая, а потом, глубоко вздохнув, подбирается к ногам. По-собачьи лизнув их, оно, крадучись, опять уползает в кромешную тьму.

Последний день в Адлере. Днем вылетает самолет на Ленинград.

Утром после завтрака иду прощаться с мо-

рем. Со мной подруга Марина, не особенно любившая воду, в отличие от меня, обожающей морскую стихию. Не боясь глубины, рыбой заплываю далеко за волнорезы. И на сей раз Маринка разлеглась на солнышке, вернее, на камушках (в Адлере нет песчаного пляжа), а я — прямиком в море.

Плыву, любуюсь гладью воды, солнцем, нырявшими вдалеке у самого горизонта дельфинами — напоследок и такой неожиданный подарок. За волнорезами на глубине разворачиваюсь, чтобы направиться к берегу, и вдруг упираюсь полусогнутыми в воде ногами в мягкое прохладное тело!

Изо всех сил оттолкнувшись от того, что подо мной, на полкорпуса поплававком выскочив из воды, я на всех парусах пустилась к берегу. Молниями блеснули версии:

1) на покойнике,

2) на дельфине,

3) на каком-нибудь чудыше, наподобие глубоководной манты или спрута.

Накануне как раз смотрели фантастический фильм.

И последняя мысль: в час дня самолет на Ленинград, а я могу остаться на дне, в подводных горах, если сведет судорогой ноги.

Приплыв к берегу и плюхнувшись без сил на мелководье, слышу, как подбежавшая Маринка трясет за плечи, спрашивая:

— Что с тобой? Что с тобой?

Отдышавшись, медленно поворачиваю голову в сторону моря и вижу подплывающего парня, оказавшегося Толиком из нашей команды. Подбредает к берегу, держась за спину и ругаясь:

— Ты что, Антонина? Чуть хребет мне не проломила! Я же ко дну пошел — еле выплыл!

А я только тихо спросила:

— Ты умеешь спасать? Я ведь могла утонуть...

Получилось так, что после завтрака он тоже направился к морю. Увидев, как я поплыла, пустился втихаря следом за мной, а на глубине решил поднырнуть. Как вам эти безобидные шуточки? Он, видите ли, хотел пятку мою пощекотать над пятиметровой глубиной!

КАВКАЗ

На втором курсе очередные спортивные сборы мы в течение месяца проводим на турба-

зе в Пятигорске, у подножия горы Машук, высота которой чуть больше километра, а окружность составляет девять километров. Диаметр хорошо известен, потому что мы иногда бегаем кроссы вокруг горы. На одном из выступов и произошла трагическая дуэль Михаила Юрьевича Лермонтова с Мартыновым.

По вечерам мне кажется, что именно здесь написано стихотворение:

*Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.*

*А во тьме торжественной и чудной
Спит земля в сиянье голубом...*

Среди пяти гор расположен город. С вершины Машука в ясную погоду виден двуглавый Эльбрус. Ох и страшна гроза здесь, особенно ночью, молнии скачут по кругу от одной вершины к другой, по очереди ударяя в них. Грохот, как при бомбежке.

Кисловодск, Эссентуки, источники с полезной, но невкусной водой, поездка в Чегемское ущелье, водопад «Девичьи косы», ослики и 125-летний старик, на лицо выглядевший как 70-летний, развешанные на изгородях на продажу шерстяные изделия из козьего пуха. Жаль, ничего не купишь, будучи нищим студентом. Вот и все мои куцые впечатления, если не считать ухаживания пятигорского армянского инженера Эдика, совершающего по утрам пробежки и подкладывающего букетики цветов под угол турбазовской столовой. По вечерам он приходил к нам на танцы, страстно признавался в любви и предлагал руку и сердце. Меня серьезность его намерений только сместила. Чувствовала, что он хороший человек, но ничего не питала к нему, нравилось танцевать, целоваться, нравились цветы.

В Пятигорске не купаюсь. Есть искусственное водохранилище, но узнав, что в нем водятся раки, боюсь залезать в воду.

ГАЛОПОМ ПО ГОРОДАМ

В студенчестве мне нравились кратковременные поездки на соревнования в разные города, в основном, столицы союзных

республик. О городах сужу, как о людях: какой добрый, гостеприимный, а иной покажется недоброжелательным, подозрительным. Все эти суждения продиктованы встречаемым сервисом, транспортом, контролерами в автобусах, столовыми, отношением людей ко мне как представительнице России. Я чувствовала эти различия, несмотря на то, что жили в союзе братских и горячо любящих республик, а студенты дружили между собой.

Помню, каким уютным городом показался Кишинев. Что приятно поразило: в общественном транспорте сидя едут только женщины, никогда не увидишь сидящих молодых людей. А если кто и присядет, то при виде вошедшей девушки или женщины тут же вскакивает, уступая место.

В парке Кишинева катаются с горок на тележках: по форме и размерам как санки, только на маленьких четырех колесиках, управляемых находящимся впереди рычагом. Не так-то легко приноровиться кататься на них по травяному склону. Несколько раз опрокинешься и через голову кувырнешься, пока научишься. Но весело.

В кишиневской букинистической лавке купила книгу Исая Калашникова о Тимуджине — Чингисхане. Сколько же несчастий претерпел он в начале своей жизни, пока не стал ханом. Почти влюбилась в молодого Тимуджина. А еще понравился монголо-татарский обычай нюхать затылки детей и по запаху определять своего ребенка. Позднее у меня появится привычка целовать затылок маленькой дочки, вдыхая и запоминая едва уловимый запах её волосенок.

В Эстонии показался фантастическим тысячелетний возраст Таллина, удивили узенькие, мощенные камнем улочки, старинная крепостная стена, всюду «слышалась поступь древних столетий». Помню, с подружкой Лерой гуляли по Таллину, и о чем бы я ни спросила, жители доброжелательно и охотно объясняли, где что находится. Лера сетовала:

— Это всё потому, что ты сероглазая, светленькая да еще с вологодским акцентом, вот они тебя за свою и принимают.

Жаль, знакомство с городом вышло шапочное, внешнее. Ничего толком не удалось посмотреть. Всё на бегу, на скаку, и некогда остановиться, иначе отстанешь от своей группы...

АЛЯ

В институте у меня две подруги. Аля — полная девушка с длиннющей темно-русой, ниже пояса, косой, с бровями царицы Тамары и зелеными глазами цвета малахита или камня змеевика. Фантастика, а не глаза! Никогда не встретите таких. А когда она надевает шерстяной зеленый собственноручно связанный жакет — это просто чудо какое-то, настолько яркая внешность.

Аля часто бывает у меня в гостях, завидует, что я — владелица целой комнаты в коммунальной квартире, и поселяется у меня, к моей радости. После занятий в институте она, как мама, хозяйничает, ждет моего возвращения со спортивных тренировок, с неизменным тортиком на столе... И... катастрофически полнеет.

Однажды заявляет о своей трагедии и просит совета: что делать?

— Худеть, — советую, как Кролик Винни Пуху. — В спорт тебя метлой не загонишь. Значит, садись на диету.

И тут же на ходу придумываю эту диету, вспомнив в выписываемом журнале «Вокруг света» заметку о племени на каком-то филиппинском острове, которое питалось одним рисом и растительным маслом, замечу — без соли! При этом все представители племени обладали удивительной стройностью и легко лазали по деревьям.

— Одна я не буду сидеть на твоей диете, — бурчит недовольная Аля. — Давай вместе.

— Ну хорошо, — соглашаюсь, — давай.

Естественно, любое начинание планируется на понедельник. В понедельник утром варю рис без соли, сдабриваю его подсолнечным маслом, и мы с ней приступаем к постной трапезе. Морщимся, но кое-как съедаем свои порции — и в институт. Вечером — то же самое. Меня эксперимент интересует с научной точки зрения, причем никаких мучений я не испытываю. Известно: за компанию и удавиться легче. Терпеливо съедаю этот безвкусный противный рис, думая о чем-нибудь постороннем. Но Аля грустнеет, скучнеет не по дням, а по часам. Мы, все меньше разговаривая друг с другом, засыпаем.

Проходит день, другой, третий. Чувствую, между нами растет напряжение. Аля почти

враждебно смотрит, как я наворачиваю рис. Естественно, молодой, растущий еще организм, да после физических тренировок, многокилометровых кроссов по парку...

На четвертый день, не общаясь, едем на занятия.

Вечером, вернувшись с тренировки, застаю такую картину: в комнате накрыт стол, а на нем фрукты и огромный торт.

— К чертовой матери твою диету, — смеется Алька, превратившись из буки в нормальную девчонку. По этому поводу объявляем праздник.

ЛЮБОВЬ

Третий курс института. На выходные Аля уезжает к родителям на Карельский перешеек, а мы с соседкой Наташей ходим на танцы.

Летом приходим с ней на вечер в Белый зал. Танцуем под быструю музыку. Смотрю: у стены стоит серьезный парень с коротко остриженными волосами и... не танцует. При взгляде в его карие глаза, на большую родинку на щеке заколотилось сердечко:

«Это Он! Это Он! Посмотри — отметина на щеке, чтобы ты угадала его среди сотен лиц». Лепится дразнилка:

Меченый-меченый, Богом ли отмеченный?

На щеке уродинка — с фасолинку родинка.

Что же это было? — знак, чтоб не подходила или наоборот: суженый — вот...

В конце вечера сама не своя, с ватными ногами подхожу и приглашаю его на белый танец. Танцуем как деревянные, не проронив ни слова, и расстаемся.

Возвращаясь с подругой домой, всю дорогу твержу ей о влюбленности с первого взгляда.

— Что ты такого в нем нашла? Угрюмый, неприветливый, сутулый, неуклюжий медведь, — недоумевает Наташка.

— Я не знаю, кто он. Может, только что из армии или даже из тюрьмы. Но возьми он меня за руку — я пойду за ним на край света, — сентиментально шебечу. — Только бы увидеть его снова! Только бы никуда не исчез!

Откуда же он взялся в наших краях? — гадаю. Выглядит взрослым, прошедшим суровую школу жизни.

Едва дождавшись следующего вечера, в воскресенье идем снова в Белый зал. Он там. Мы встречаемся взглядами...

К моему огорчению, вокруг меня выются знакомые ребята-спортсмены из института. Как же хочется продемонстрировать ему, что я одна, у меня никого нет, а рядом просто друзья. Он смотрит в нашу сторону, но подойти не решается.

Снова приглашаю его на дамский танец, и он заговаривает, смелеет и, познакомившись, идет меня провожать.

Мы идем рядом, я без усталости болтаю обо всем на свете, что знаю, и о себе. А мой спутник идет и молчит, внимательно слушая.

И с этого дня мы не расстанемся, за исключением зимних каникул, вернувшись с которых, он заявляет, что хочет жениться на мне и уже сообщил о своем намерении родителям, на что отец заметил: только бы в последний раз...

СВАДЬБА

Аля, вернувшись с летних каникул и обнаружив изменения в моей жизни, огорчилась и не одобрила мой выбор.

— Между вами не может быть ничего общего, — заявила она, невольно познакомившись с моим Володей и отговаривая от замужества:

— Посмотри, ты вся — как бабочка, легкая, веселая. А он — тьфу! Дремучий медведь! Что ты нашла в нем?

Они сразу же невзлюбили друг друга. Если Володя приходит ко мне в гости, Алька вынуждена сидеть с книжками на кухне, ожидая, когда того унесет нечистая сила.

Оказывается, Володя — первокурсник, младше меня, родом из белорусского села, будущий инженер. Узнав о его возрасте, хочу ретироваться. Как же так — он даже младше моего младшего брата! «Но любовь — не картошка под луною», — как скажет в будущем один очень смешной, любимый мной сейчас человек. И следующим летом я выхожу замуж, как за кога в мешке, движимая одной интуицией: за доброго, умного, надежного, любящего человека.

Знакомлюсь с родителями, соседями, друзьями детства и узнаю, какой он замечательный, слава всей школы, умница, любимец учителей. Учась в старших классах, своими руками

оборудовал кабинеты физики, химии. Умеет мастерить по дереву, пилить, строгать, ремонтировать любую технику. Все смотрят на меня с завистью: мол, повезло же — какого жениха отхватила!

Для меня это было открытием, приятной неожиданностью. Мне казалось, что это я — сокровище для кого-то — комсомолка, спортсменка, красавица... А тут надо же...

После свадьбы мы ездим за грибами, ягодами в лес. Впервые вижу орешник, собираю орехи фундука прямо в лесу с деревьев и с земли. Ловим рыбу на удочку, в основном карасей, нанизывая на крючок скатанные с подсолнечным маслом мякиши хлеба, катаемся на мотоцикле «Днепр» по бескрайним розовым, с вкусно пахнущей цветущей гречихой, белорусским полям. Ах, эти ароматы, этот простор, раздолье, молодость, ветер, скорость!

Учусь кататься на мотоцикле, но из-за боязни левых поворотов всегда сворачиваю вправо. Кажется, что при левом повороте коляска обязательно опрокинется на меня. Не преодолеть этого комплекса, хоть ты тресни. Конечно, по аэродрому ездить могу, а вот по дорогам, извините... После нескольких попыток пришлось отбросить эту затею.

С новой фамилией доучиваюсь в институте. После свадьбы Аля возвращается в общежитие.

ЛЕРА

Вторая подруга Лера. Когда я вышла замуж, то познакомилась с моим мужем, и он, на удивление, нормально к ней отнесся.

Хотя она курит, цинична, но это ни о чем не говорит. Это поза, своеобразная защита: мол, крутая, всегда дам отпор. Я сразу распознала ее натуру, беззащитную, беспомощную, ее целомудрие. Мы сошлись с ней на первом курсе, когда, вернувшись после зимних каникул, стоя в туалете, выяснили, что почти одновременно похоронили: я — отца, а она — маму сорока трех лет. Мы разговорились и стали дружить.

У Леры есть парень, болгарин по имени Христов. Летом мы ездим вместе купаться на Ижору. Христов носит Леру на руках, в прямом и переносном смысле. Оба удивительно красивые, как юные боги, стройные, смуглые, загорелые, с огромными карими глазами — своей похожестью они бросались в глаза окру-

жающим. Мы часто вместе загораем, по вечерам гуляем по городу, сидим в облюбованной нами шашлычной.

Христов заканчивает военно-механический институт и должен возвратиться в Болгарию.

Как-то, сидя у нас в гостях, он с очень серьезным лицом предложил Лере выйти за него замуж и поехать с ним.

— Нас...ть мне на твою Болгарию! Чтобы я свою Россию променяла на нее?! Да никогда! — грубо ответила она ему и отшутилась. Христов замолчал и до конца вечера не проронил ни слова. И пропал.

Ни на другой, ни на третий день он не встретился с Лерой, а когда она спустя две недели, преодолев свою гордыню, позвонила в институт, ей сообщили, что он защитил диплом и вернулся в Болгарию.

И тогда с Леркой случилась беда: она осознала, что потеряла самое дорогое в жизни, потеряла свою любовь. Оказывается, это и была ОНА.

Месяц она страдала взаперти, ни с кем не общаясь. А потом уехала по распределению в какую-то тьмутаракань и выскочила очертя голову замуж за первого встречного парня, родив через год недоношенного слабого мальчика. Конечно же, какое там грудное вскармливание, когда до последнего дня курила, злоупотребляя кофе, мучаясь токсикозом и душевно истязая себя.

Ребенок страдал. Она не спала ночей, нервничая, недосыпая. Свекровь ее недолюбливала за одно курение и, естественно, не жаждала помогать. И на почве нервного и физического истощения у Леры едва не съехала крыша.

Такая вот печальная история...

Есть ли какая связь между всеми нашими поступками?

Иногда представляю Лерку вышедшей замуж за Христова и уехавшей с ним в солнечную Болгарию. Она прогнала свое счастье, своими руками отпихнула от себя. Почему мы так поступаем? Именно женщины. Мы часто говорим и совершаем поступки наперекор своим чувствам, и там, где наше «нет», — находится как раз «да».

Мне кажется, самое большое преступление — предать любовь. За это часто расплачиваемся искореженной судьбой, с трудом обрета более-менее сносное жизненное русло, прод-

левая обыденное, скупое на радости существование.

Не зря говорится: посеяй характер — пожнешь судьбу. Наверное, мне повезло с характером, умением придумывать праздники, радоваться каждому дню и благодарить неизвестно кого за счастье гостить на земле.

*Куплю букет любимых фрезий,
на скатерть белую поставлю
в кувшинчик синий с перламутром,
и аромат душистый, свежий
заполнит комнаты пространство
и сердце радостью наполнит.
Всего за пять рублей с полтиной
куплю себе чудесный праздник...*

ЗАМУЖЕСТВО

Итак, я замужняя. Мне нравится целовать-ся, но к сексуальным отношениям интереса не испытываю. По ночам мне бывает одиноко и грустно, когда муж после нескольких минут любви отворачивается к стенке и засыпает, превратившись в такую же равнодушную стенку. А мне бы так хотелось поговорить о многом, что меня волнует, о чем я думаю, тревожусь, мечтаю.

«Неужели вот так — всю жизнь? — сидя на широком подоконнике, обхватив колени, думаю, глядя на луну, звезды и отыскивая какой-то смысл в этой жизни. — Как же мы с ним бесконечно далеки».

И тут же возражаю себе:

«Что тебе надо, дурочка? Он хороший, добрый, заботится о тебе, любит тебя. Он просто замкнутый, необщительный, недоверчивый, меланхолик. А ты — сангвиник. Вы просто разные... А разные — притягиваются, как противоположные стороны магнита».

Пытаясь развеселить, шучу, дразню его... Но безуспешно. Ничего не меняется в его характере. Своим негостеприимным отношением разогнал всех подруг. Недоумевая, все они спрашивают меня:

— Как ты только с ним живешь? Вы такие разные...

С чувством вины оправдываюсь и, как поп-ка, твержу, что он добрый, хороший, просто такой нелюдимый...

Но наступал следующий день, и жизнь продолжалась. Иногда мы выбирались в кино, на танцы, по вечерам играли в шахматы, читали книжки. Муж не одобрял мои тренировки, поэтому с небольшими угрызениями совести перед тренером, но и с ощущением обретенной свободы я распрощалась со спортом.

ПЕРВЕНЕЦ

Со мной происходят изменения. Часто бываю недовольной, капризной. Однажды утром, с отвращением взглянув на яичницу, которую всегда с аппетитом ела, пошла к врачу и убедилась, что беременна.

Наконец-то обретаю смысл жизни: у меня будет ребенок. Внутри я тоже меняюсь. Как ветром сдуло все мои ночные бдения на подоконнике, хандры как не бывало.

Часто признаюсь в любви своему будущему малышу.

Врач предполагает, что по сердцебиению, вероятно, девочка. Покупаю розовые ползунки и вышиваю на грудках розочки.

Перед родами думаю: если мама столько детей родила, то и мне наверняка передала по наследству умение рожать. Вспомнила и ту молча телившуюся на ферме корову и доверилась природе.

Знаю, как устроен человек, организм. Знаю, что схватки — это обыкновенная, как после тренировок, мышечная боль и ничего опасного в ней нет. Так и должно быть. Надо только тихо перетерпеть самые болезненные моменты.

Рождается спокойный мальчик.

В роддоме с сомнением смотрю на свою небольшую, но набрякшую тяжестью грудь и завидую грудастым роженицам.

Впервые ждем, когда привезут малышей на кормление. От нетерпения перед первым свиданием со своими чадами выглядываем, открыв дверь палаты. Вижу: выкатывают из детской палаты каталку с десятком запеленатых куколок. Кто-то кричит, кто-то вертится, кто-то спит, а одна куколка молча таращит на потолок огромные глазища.

— Ах, если бы это был мой малыш! — мечтаюсь мне.

И можете представить мою радость, когда медсестра, раздавая свертки, подает мне эту глазастую куколку. Я несусь ее как сокровище к

себе на кровать и сажусь кормить, нагнувшись над личиком грудью. Куколка ловко захватывает рот сосок и с жадностью высасывает из груди густое молозиво, ровно столько, сколько нужно. И блаженно засыпает.

— Доктор, а ему разве хватит моего молока? Он не проголодается? — беспокоюсь я. — Посмотрите, какая у меня маленькая грудь.

— Ему требуется сейчас всего 50-60 мл, — успокаивает меня врач. — У вас все в порядке.

Напротив меня Нина сдаивает лишнее молоко в литровый алюминиевый бидончик. С завистью смотрю на нее: вот бы мне так...

Потом узнаю, что та кормила свою девочку только месяц. Ребенок не высасывал молоко, и она, устав от сдаиваний, прекратила вскармливание, так как молоко пропало.

Переполняет нежность к рожденному существу, к сокровищу, к бесценному гостю. Не наглядеться, не налюбоваться:

*Между нами — кроха-человек
на подушке спит, раскинув руки,
и реснички приоткрытых век,
точно крылья бабочки, от звука
тихо вздрагивают...*

ИЗМЕНА

Ращу сына. Муж пропадает на работе. Он умный, всем нужный инженер-механик, позднее — начальник автотранспортного парка на военно-механическом заводе. В конце недели начальство задерживается на работе: каждую пятницу снимают недельное напряжение.

Однажды является под утро. Молча посмотрев на него, все понимаю. Встав на колени, просит прощения, плачет, говорит, что ему никто не нужен. Что все из-за пьяной компании, что мужчине очень трудно отказать, когда ему на шею вешается женщина. Он не может унизиться и отступить перед ней. Мужчины так устроены...

Сажу как застывшая в одной позе и принимаю решение: я тебя прощаю, но та, прежняя «я», — умерла. Теперь я — другая, мне некуда идти, если разведемся. У нас растет сын. Надо просто жить, делая вид, что ничего не случилось.

Поступив в аспирантуру, увлекаюсь работой. Малыш спрашивает:

— Мама, а от кого ты будешь защищаться?

Взглянув со стороны, семья кажется образцовой, спокойной, счастливой.

Муж ведет себя безупречно, любит и заботится о семье, воспитывает сына, освобождает меня от многих домашних дел, перестал задерживаться на работе по пятницам.

Спустя какой-то период душевное равновесие восстановилось, и я позволяю любить себя. Мое отношение к нему можно назвать какой-то формальной супружеской обязанностью. Наверное, так вели себя крестьянки, когда их выдавали замуж, не спрашивая согласия, и они жили дальше по течению, не в силах что-либо изменить. По большому счету, все благополучно: ни ссор, ни скандалов. Сын говорит:

– Ты с папой никогда не ругаешься, потому что он ничего у тебя не просит...

СОЛОВЕЙ

Человеку должно любить беспомощность. «Ищу источник добра и нежности». Можете представить такое объявление?

Июньской ночью в половине пятого просыпаюсь от соловьиной трели. Подумалось: вот это подарок! Минут через пять к соловьиному пению примешался активный вой котов, разбудивших какого-то очень нервного воробья. Безуспешно пытаюсь сбить своим паническим и до одури однообразным «чив-чив» вдохновение соловья, воробей обескураженно замолк. И кажется, ничто в мире не может нарушить эту безмятежную, волнующую, как любовь, как предчувствие счастья, песню, которая, как символ всего светлого и чистого, еще долго слышалась в предутренней тишине спящего городка.

ДЕРЕВО

Этим же утром, идя через парк на работу, вижу поперек аллеи умершее ночью молодое дерево, но уже с пожелтевшей до времени листвой. Его вывернуло ветром, обнажив совсем сгнившие корни. Деревце липы лежало поперек аллеи немым укором: «Люди, вы каждый день проходили мимо меня и не могли, не умели помочь мне. И вот я здесь».

В каждом из нас заключена своя тайна исчезновения...

НОВОЕ ЧУВСТВО

Но святое место пустым не бывает, и я влюбляюсь, нельзя сказать, что потеряв голову. Мы просто гуляли в парке, целовались.

Началось, как в стихотворении Людмилы Аникеевой, замечательной петербургской поэтессы: «Он издевается надо мной, он издевается: он руку мне поцеловал – не смывается...»

– Зачем ты целуешь мои рабоче-крестьянские руки? – спрашиваю.

– У тебя самые прекрасные руки.

И вот так, исподволь, приближался. Кажется, читает мои мысли. Удивительно: я никогда не догадывалась, что руки так чувствительны к прикасаниям чужих губ и долго помнят о них. В ванной пробовала целовать свою руку, ничего не ощущала. Но между его губами и моей ладонью происходит явная реакция.

Он видит мое смущение, внутреннее волнение, ему доставляет, наверное, удовольствие, когда я невольно вспыхиваю. Выдают предатели-щёки – плюнь! – зашипят. Злюсь на себя, но ничего не могу поделать.

Но он первый раскололся. В новогодний вечер, когда мы шли по бульвару и я впервые позволила поцеловать себя, он прыгал от счастья, дурачась, обнимался с каждым деревом, бодая стволы головой, крича на весь бульвар: «Я люблю тебя!»

«Неужто влюбилась?» – думаю, засыпая и просыпаясь...

Обычно он встречает меня с работы и провожает до дома. Если есть время, мы гуляем в парке. Несмотря на двадцатиградусный мороз, подолгу целуемся. Сексуальная сторона отношений меня вообще не интересует, нравится только целоваться. Хотя испытываю нежные чувства и уважение за его выдержку, внутреннюю дисциплину. Все так, как у Пушкина: чем меньше телесного, тем легче нравиться... и у Иосифа Бродского: сколь же радостно прекрасное вне тела – ни объятья не возможны, ни измена...

Всего ночь была подарена нам судьбой, но она произвела революционный переворот во взглядах на эту сторону жизни. Впервые изменив, но не из мести, а из любви к другому, как будто заново родилась. И не предполагала подобной метаморфозы. Это и называется, по-видимому, «разбудить женщину». Значит, до сего дня моя женская сущность инь спала во

хрустальном гробе. Проснувшись утром и увидев, как преобразился мир, поняла: произошло что-то серьезное, но не как в девичестве, а поженски умудрённое; ощущаю себя живым музыкальным инструментом, на котором, помимо моей воли, исполнялось незнакомое, неземное, неслыханное доселе произведение, переродившее душу и тело. Как же я, живя столько лет, не догадывалась, как устроена, ничего не знала о самой себе. По-новому гляжу на облака, деревья и удивляюсь необыкновенному состоянию, никогда ранее не испытываемому.

«Может ли любовь быть преступной? — думаю. — Ведь я становлюсь лучше, меня переполняет нежность ко всему, что окружает. Такие отношения не могут причинить зла и кого-то ранить...» — и как зеницу ока лелею, берегу свое чувство. В этой новой реальности мы постоянно дурачимся и ведем себя детьми. Наверное, таким и бывает счастье.

Порой, проводив меня, он долго стоит на противоположной стороне улицы. Выглянув в окно, вижу силуэт. Думая о его наружном наблюдении, не могу успокоиться — ведь бродит в темноту и холод где-то поблизости, глядит на окна, видит, как гаснет в квартире свет, и догадывается, что происходит потом, представляя меня в объятиях мужа. Чужая жена. Ах, если бы могла вылететь в форточку маленькой птичкой...

*Розу на пороге опять подниму —
ты нашел дорогу к сердцу моему.
Серых глаз признание, холод в груди,
под прицелом свиданье, прошепчу: «Уходи...»
А уйдешь — покоя себе не найду,
следом за тобою за речку пойду.
Не осудят свидетели — липы, дубы,
как под ними встретились за дверью судьбы...*

Несколько раз он заводил серьезные разговоры по поводу последовательности моих действий: развод, посольство и т. д., но все разговоры о замужестве я свожу к шутке, не принимаю всерьез.

Однажды говорит:

— Мне хотелось бы всегда носить тебя в кармане. Выгащил — поцеловал и обратно спрятал. И чтобы только одному на тебя смотреть.

— А ты подумал, понравится ли мне в твоём кармане? И что это за счастье — сидеть в темени, в табачном мусоре? А у меня аллергия...

— Буду на груди тебя носить, здесь, возле сердца. Хотя ты уже давно пробралась ящеркой в сердце и хозяйничаешь в нем, как королева.

Не знаю, радоваться ли такому признанию, когда тебя сравнивают с земноводным, почти что с коварной змеей. Ничего себе, если это представить! Вот как он обо мне думает, оказывается!

Все-таки мужчины, в отличие от нас, женщин, большие собственники.

Сейчас, глядя со стороны на тот роман, все видится по-другому. Во-первых, неизвестно, как бы все сложилось, если бы отважилась развестись с мужем и повторно выйти замуж. Одно дело — встречаться раз в неделю, и другое — уехать за тридевять земель и быть бок о бок ежедневно. Будучи максималисткой, категоричной, привередливой и замечающей недостатки, вряд ли я была бы счастлива. А может, нарочно так говорю, чтобы не сожалеть об утраченном. Порой мне кажется, что даже не знаю себя хорошенько и не догадываюсь, на что способна, как старуха Изергиль у Горького, утверждавшая: в жизни всегда есть место подвигу. Я хотя и трусливая, но ощущаю иногда в себе готовность к испытаниям.

ПРИВЕТЫ С ЛУНОЙ

Когда же пришлось сделать выбор, спасав перед неизвестностью, решила оставить все без изменений: не делить ребенка, не причинять никому боль. Хотя нет, причинила боль и любимому человеку, и себе. «Но ведь это высокая, благородная боль, — думалось тогда. — Это же самопожертвование, героизм своего рода», — рассуждала наивно, воспитанная произведениями отечественных писателей. Легко рассуждать...

Последние дни он необычайно молчалив. Ничего не говоря, подолгу смотрит, будто гипнотизируя, в лицо, а у самого в глазах слезы. А я не умею жить! Я не знаю, как разводятся, как решают потом возникшие проблемы! Я — маленькая и всего этого боюсь! И нищая — у меня ничего нет за душой! И, главное, трусиха! Глупая, ничего не понимающая в подобной жизненной ситуации, полная комплексов деревенская дурочка, каковой и останусь, по-

видимому. Рассудила по старинке: стерпится-слобится, все-таки семья, ребенку ближе родной отец, Родина — одна... Прости, прости...

И мы расстались. Навсегда...

Теперь буду оправдываться. Конечно, любила, но не отважилась сделать роковой шаг и осталась там, где есть, думая: я сильная, смогу преодолеть... и даже интересно, что за испытание мне предстоит потом? Как говорится в украинской поговорке: пусть будет горше, но иначе...

От этого не умирают, решаю, и режу по живому.

Нет, я не мазохистка, но из тех, кто в ответе за прирученных, как учил Антуан Экзюпери, имея в виду сына и мужа. Сейчас все это кажется неубедительным детским лепетом, олицетворяющим всего-навсего трусость. Счастье — всегда благо, причем для всех сторон, особенно для детей, оно — самая достойная цель, к которой и должен стремиться человек. С несчастным человеком и близкие несчастны. Но я благодарна судьбе за пусть и неполное, но счастье.

— Пока, — говорю, как будто прощаемся до следующей встречи.

— Можно я буду писать?

— Нет, категорически запрещаю. Я буду присылать тебе приветы с луной.

— А я — с солнцем, — грустно шутит он. И серьезно. — Я никогда не забуду тебя.

— Я буду прилетать к тебе во сне, — шучу.

— Можно я буду звонить?

— Нет, — стараюсь говорить твердо и, не оборачиваясь, ухожу по аллее, ни разу не обернувшись, чувствуя спиной его долгий взгляд...

РАЗЛУКА

Иду по бульвару. Глаза застилает пелена. Фонари превращаются в радужные цветы. Впервые чувствую сердце, затрепыхавшееся в груди подбитой дичью. Затем окрепшим живым существом оно так сильно забултыхалось в грудной клетке из стороны в сторону, что меня начало раскачивать и под ногами заходила земля. Удивляясь этому новому неожиданному состоянию, думаю: вот оно как бывает, вот что означает — уходит земля из-под ног...

Похожая на пьяную, чужой, неуверенной походкой иду к дому. «Вот и все, — успокаиваю себя.

— Самое страшное позади. Я смогла это преодолеть. Какая я сильная! Теперь надо научиться жить дальше, без него...»

Вот и все, — тихий вздох, словно крик,

оборвал расставания миг.

Тишины оглушающей звук. Впредь не будет

ни встреч, ни разлук.

Ах, какая вокруг пустота. Как за кадром — людей суета.

Птицей вырвется сердце вот-вот...

И земля под ногами плывет...

Он позвонил из аэропорта в Москве:

— Я люблю тебя, — с оборвавшимся сердцем услышала голос, будто с того света, и молча положила трубку...

На другой день иду знакомым маршрутом в парк, где раньше гуляли, мимо скамеек, где сидели, выстраиваю строчки:

Повсюду глаза мои ищут тебя,

за деревом каждым мерещишься ты.

Брожу, словно тень, не уйти от себя,

покою и места душе не найти...

Глупая. Не так-то это легко — справиться с собой. Хорошо, что муж вовсе не интересуется моим внутренним миром.

Молча переживаю и пишу стихи, утешая себя ими. Иногда, накрывшись вплотную одеялом, оживляю в памяти счастливые дни и думаю: можно жить уже одними воспоминаниями и благодарить судьбу за случайный подарок.

«Успокойся, — уговариваю себя. — Вспоминай и радуйся». Но — не прикажешь...

Я нуждаюсь в тебе, как зерно — в борозде:

не склевали бы птицы, не выдуло б ветром.

Я нуждаюсь в любви, как осока — в воде,

без нее засыхаю, грубею и блекну.

Я нуждаюсь в любви, как подснежник — в тепле,

слабым тонким ростком к ней тянусь, словно к свету.

Я нуждаюсь в тебе, словно птица — в гнезде,

и дыханьем твоим так хочу быть согретой...

Страдания сублимируются в плетение крючком кружев. Обвязала все что можно — скатерти, кухонные полотенца, включая носовые

Сделала приятные покупки: веник и новые пуговицы к старой блузке.

Штопаю вещи и радуюсь, что не успела выбросить, ох как пригорают! Не беда, что залатанные коленки, зато добротные штаны, заплаты — крепче штанов — из остатков моих укороченных джинсов.

Жертвую сыну куртку и брюки. С обувью повезло, размер одинаковый, прибрал к ногам всю мою спортивную обувь.

Читаю Владимира Набокова. Какой тонкий завораживающий поэтический стиль. У него всё живет: дома, одежда, вещи. Даже свеча, когда резко распахнули дверь, умирает от разрыва сердца. Чем-то похож на Достоевского, берет за руку и не отпускает от повествования, держит, как козу на веревочке. И надоедает, хочется кардинальных действий, финала, а тот умышленно отодвигается... Нет, о Достоевском не буду говорить. Что он творит с душой несчастного читателя! В прямом смысле — мучает, жестоко выворачивает наизнанку, подвергает пытке: бесит, заставляет злиться на героев за их беспомощность, раздражаться и... жалеть, так, что подолгу не хочется брать в руки книгу. После Достоевского полезно читать Зошенко.

В один из октябрьских дней отправляю своего школьника за хлебом в магазин. Возвращается с пустой сумкой и подает три огромных, с лапоть, красных георгина, оправдываясь:

— Жалко было бабушку. Говорит: купи, мальчик, за три рубля. А что, правда, красивые? А хлеба в магазине не было.

Недавно заявляет:

— Нечестно мы живем.

— Как это? — удивляюсь.

— Ну вот, собаки — это те же люди, а почему они все время должны нам подчиняться и унижаться? А если бы ты была собакой, тебе приятно было бы выполнять команды? Я считаю: животные — те же люди, только другой национальности.

Из ремней моих старых сумок делает ошейники и цепляет на шеи бездомных дворовых собак, считая, что таким образом обезопасит их от собаколовов.

Рассуждает:

— Собака никогда не может быть выше человека. Я экспериментировал: наклоню голову к земле, а она — еще ниже. Я — ниже, так она на

землю голову кладет. А уж если провинилась, то еще больше унижается — в какую-нибудь яму ложится.

Однажды говорит:

— А я не понимаю сказку «про рыбака и рыбку».

— Почему? — спрашиваю.

— Надо было старику развестись со старухой, пока она царицей не стала.

Получил за четверть по пению двойку. Спрашиваю:

— За что?

— Не пою перед классом.

— Но дома-то замечательно поешь, на четверку, не ниже. Что же в школе не можешь?

— Поздно уже, мама: не пел, не пел и вдруг — запою...

Как-то заявляет:

— Наша страна совсем забыла про одно удовольствие, сладкое и мягкое, как подушка.

— Какое? — спрашиваю.

— Зефир.

Катался на лыжах. Придя, сел за уроки, взгромоздив ноги на стол. Слышу, спрашивает громко из комнаты:

— Мама, у меня какими нитками пупок завязан? Черными?

Я из кухни, смеясь:

— Да.

Кричит испуганно:

— Иди скорей сюда! У меня, кажется, развязывается!

Подхожу, а у него из пупка торчат шерстяные ниточки от штанов.

Пишет в письме бабушке:

«Я очень соскучился по твоей большой теплой печке».

Рассказывает о деревенских наблюдениях:

— А петух не всегда исправно службу несет. Я видел: нашел за двором корочку хлеба, квокнул тихо, чтобы куры не услышали, и сам съел. А должен был курам отдать.

— А сам, что ли, голодным ходить?

— Нет. Он должен есть только то, что дадут, а что найдет — отдавать курам.

Спрашивает как-то:

— А где предки дедушки Саши похоронены?

— В деревне Ёрга.

— Прямо все — до Адама?

ХОЧУ РЕБЕНКА

Когда Саше исполнилось 12 лет, решаюсь родить ребенка — для смысла и радости жизни, поскольку так получилось — забеременела. Тем более что давно испытываю потребность потратить заложенные природой чувства: не могу спокойно смотреть в вытаращенные глазенки, мордашки, высывающиеся из детских колясок, на сложенные крестиком ручки-ножки: переполняет нежность, хочется прижать к губам, целовать.

Вначале сомневалась по поводу своего «преклонного» возраста, все-таки под сорок. Советуюсь с Володей, мужем, а тот говорит:

— Давай оставим. Я вроде не пьяница, и ты еще ничего, не старенькая. Если нам не рожать, то кому еще? Сашка, вон, скоро женихом станет, по девкам начнет бегать, не увидим его. Не хотелось бы остаться под старость одним в четырех стенах...

«Ладно, — рассуждаю, — мама меня родила в сорок, бабушка последнюю девчонку в пятьдесят лет подарила деду, а мне только 37, авось по наследству что-то передалось».

Началась пора ожидания. Счастливое время: идешь по городу, на улице промозглая осень, а у тебя в животе — живое существо, как моторчик, согревающее тебя. Идешь и признаешься ему в любви:

*В лица детские чаще смотрю —
как водой умываюсь живую.
По природному календарю, несомненно, меня уже двое.
И во мне кто-то тайно живет,
изнутри беспокоит немножко —
упирается нежно в живот,
может, ручкой, а может быть, ножкой.*

*Иногда тяготит этот плен,
дискомфорта терплю неизбежность.
Не желаю покоя взамен
за тревожную светлую нежность.
И мне не за что Бога гневить,
всё в судьбе принимаю за милость,
каждый день признаваясь в любви
существу, что во мне зародилось.*

А на дворе 1992 год. В женской консультации будущим роженицам выдают бундесверовские

пайки: консервы, вафли, какие-то еще продукты. Забавно... Но не весело. А потом будут талончики на гречу, масло... Да, не в простое время собралась рожать. Что-то будет дальше?

Началась эпоха больших перемен...

А за два месяца до родов придет телеграмма, сообщающая о смерти мамы, но я еще ни о чем не догадываюсь...

СВЕКОЛКА

Похоронив маму, я вернулась в город и через два месяца родила девочку.

Рожала в теплый майский вечер. Окна в роддоме открыты. Самые сильные схватки совпали во времени с вечерним колокольным звоном, доносившимся со стороны Софийского собора. Как это символично, думаю, рожать под старинный перезвон. И считаю до четырех, тихо рыча от боли.

Когда начались потуги, сопровождаемая медсестрой, бегу на гинекологическое кресло. Все происходит быстро и благополучно. Под потолок взлетает громкий крик новорожденной девочки. И такая сила слышится в этом крике, настоящая жажда жизни:

«Вот я! Встречайте меня! Я родилась!»

— Ну и голосище, — говорю радостно медсестре, держащей надо мной вопящее крохотное существо.

— Певицей будет, наверное, — шутит она.

Господи, какое счастье! Девочка! Буду ей бантики завязывать, косы заплетать, платья с оборочками-рюшечками покупать.

Кормлю ее, смеясь над красным от натуги личиком, называя своей «свёколкой». Так усердно ест, что меня приводит в восторг.

— Саша, — говорю сыну, придя из роддома, — выбирай имя для сестры.

— Давай Юлей, — называет он имя девочки, которая нравилась ему с детского сада.

— Давай, — соглашаюсь с ходу. — Мне нравится это имя.

*Окрыленность, невесомость в теле —
не идешь, а будто бы летишь.*

*Колокольный звон в золотой купели
снова крестит утреннюю тишь.*

И погода — словно по заказу. Необычный выдался мне год:

*за утратой осчастливил сразу —
 мамы нет, и доченька растет.
 Осторожно над коляской-зыбкой наклоняюсь,
 словно ворожу,
 и улыбку, в ямочках улыбку —
 знак их тайной связи нахожу...*

Саша однажды спрашивает:

— Ты теперь многодетная мать?

— Почти, — отвечаю.

— А сколько не хватает?

— Одного.

— Так роди братика, — советует.

На накопленные деньги купил кожаный ошейник для сторожевой собаки (на работе у отца), а себе — жвачек. Пришел радостный:

— Тарзану подарок. Ему же никто подарки не покупает. Только еду.

Нарисовал церковь на острове, с цветными витражами. Я ему:

— Нарисуй хотя бы мостик, иначе как люди пройдут туда?

— Эта церковь — для Бога, как дача. Он иногда там живет.

Спрашивает, какую бы я завела собаку. Говорю, что таксу: мало ест.

Советует:

— Давай лучше овчарку. Если ты забудешь ее покормить — она даже слова тебе не скажет.

Летом с маленькой Юлей часто гуляем-загораем за городом, возле речки Кузьминки. Юля спит в коляске, закрытой тюлем, в ажурной тени. Лежу на траве, на лицо надвинута панамы. Чувствую: на живот села маленькая птичка, наверное, жаворонок. Открыв глаза и увидев ее, я восторженно вскрикнула, и птичка, захлопав крыльшками, полетела низко над травой.

Много интересного можно заметить. Читаю, поглядывая, как на белой юбке в течение полуса сидит, греется, выставив свои культы, большой паук. Рядом маленький кузнечик. Спинка у кузнечика блестит, как у неоновой рыбки. Уютно с ними. Как родственники, блаженствуем вместе на солнышке.

Случайно удалось увидеть, как бабочка, замерев, пила нектар из цветка. Она казалась слепой, заколдованной, хоть бери ее рукой — не шелохнется.

Радует их многообразие: крапивницы, лимонницы, капустницы, павлиний глаз. А как-то

встретила крупную белую бабочку-парусника — адмирала — с черным ажурным рисунком на крыльях. Откуда она взялась в наших краях? Видимо, не рассчитала широту перелета.

И несказанно повезло наблюдать рождение бабочки, только что выбравшейся из кокона, с мокрыми, мятыми, как тряпочки, белыми крыльшками. Она сидела без движения на стебле травинки. Потеребила крыльшки — будто неживая или глубоко спит. Я долго наблюдала за ней, но не уследила момента, когда она обсохла и улетела. Надеюсь, что птичка ее не съела, как предположил потом Саша.

Однажды он с грустью посетовал:

— Человек много вредит природе. Бабочки летят к фонарям, грудью прилипают к ним и умирают. А должны были к Луне лететь...

Засыпая, уткнувшись, как всегда, носом в затылок годовалой дочурки, думаю: ради нее могла бы раствориться, исчезнуть в сумерках, превратившись в какую-нибудь субстанцию, а всю любовь, накопленную в душе, к природе, близким мне людям — вдохнула бы в родное существо, чтобы ему светло жилось на свете, передала бы, так сказать, по наследству... Представила себя кальмарихой, которая, родив детеныша, отказывается от еды и умирает. Почему она так поступает? Ведь о чем-то она, верно, думает, решившись на такой шаг? Или таким образом природа регулирует численность... А может, какой-то сбой в природных механизмах... Нет, не хочется умирать, ведь еще так мал мой детеныш. На кого его оставлю?..

Как мне бывало пронзительно жаль кукушку в лесу, когда возвращалась вечером с дачи, стоя на затерявшейся платформе. Хотелось раскрыть кукушину тайну, спросить: почему ты не вьешь своего гнезда? Как, должно быть, неудобно оставаться в лесу без дома? И почему избрала такой образ жизни — подкладывать будущим детям в чужие семьи? Потом обосновавшийся в гнезде крохотный птенчик кукушонок выталкивает на погибель собственных птенцов приемных родителей, а те, надрываясь, будут выкармливать его, прожорливого, не покладая крылышек, а он улетит и «спасибо» не скажет. Неужели и это ошибка природы?

А кому бы я, в случае чего, доверила, «подложила» своё маленькое дитя? Как хорошо, что у

меня есть на примете такие люди, которые будут любить мое солнышко, кому я могу доверить его, и я успокаиваюсь. Но зачем сейчас забочусь об этом? На всякий случай, наверное. Пути наших мыслей неисповедимы.

Вспомнилась мама, после жаркого сенокосного дня моющаяся в речке, а я, маленькая, хожу среди прибрежной осоки и, присев, разглядываю на фоне закатного солнца готовящихся ко сну стрекоз.

Не заметила, как сама собой сложилась «колыбельная»:

*Спи, мое солнышко, в колоске зернышко,
спи, моя хорошая, баю-бай.*

*Пусть тебе приснится сон: под святой перезвон
ты плывешь на облаке в дивный край.*

*Спи, звоночек маленький, мой цветочек аленький,
сказка заповедная так близка.*

*Пусть тебе приснится сон, на рассвете сладок он —
ьет нектар бабочка из цветка.*

*«Спи, моя девонька, выросла эвон как, —
ворковала мама мне: — Бог — с тобой».*

*Снился сон: над рекой цвел закат розовый
и стрекоз перламутр голубой...*

Пройдет год со дня маминой смерти, когда смогу спокойно, открыв шкаф, смотреть на ее халат и не плакать, как прежде, — усевшись прямо в шкаф, уткнувшись лицом в подол такой родной тряпки. Зайду в Софийский собор, поставлю свечку и вспомню, что накануне убит Владислав Листьев...

*Как светло и умиротворенно вдалеке от суетных речей
помолчать под куполом соборным
в тишине и сумраке свечей.*

*Ощутить судьбы своей непрочность,
а себя — связующим звеном —
позволяет маленький листочек
с перечнем помянутых имен.*

*Их созвучье — некий код условный —
узнаваем на чужих устах,
и хочу поверить в мир загробный,
в рай для светлых душ на небесах...*

БЕДА

Через полгода после рождения Юли произошло трагическое событие: в Белоруссии погибла мама Володи. Ее сбила машина, и она скончалась через два часа, не приходя в сознание, от разрыва печени. Я с грудным ребенком не поехала туда, а приехавшего с похорон мужа как подменили.

Подолгу сидит, задумавшись о чем-то. Перестал улыбаться. Как могу, тормошу его, показывая на Юлю. Но он остается каким-то безучастным и отчужденным, промолвив однажды на мое приставание:

— Мне кажется, я похоронил свою радость.

— Но надо же дальше жить. Смотри, Юля растет... — пробую разговорить, но тщетно. Ходит как в воду опущенный.

Но беда не приходит одна...

ДТП

Как-то Володя сообщает, что решил продать нашу дачу и купить на эти деньги подержанный «Москвич», тем более что от института мне дали десять соток недалеко от дома. Вся дача — вагончик, колонка да три теплицы на шести сотках. Ну конечно же, эти сотки пупом выкорчеваны, потом политы, на коленках выползаны, сердцу дороги, да невыгодно ездить своим ходом в тьмутаракань, чтобы полить огурцы-помидоры.

— Хорошо, — соглашаюсь, — делай как считаешь нужным.

В августовский день сзади в его машину врезаются четверо бритоголовых молодчиков на «Ауди», приобретенной ими в этот же день. Они вытряхнули Володю из машины и пригрозили, что если не выложит две тысячи баксов, то разделаются с ним. Пусть вызывает ГАИ, для них не имеет значения их решение.

Почерневший, является домой. Ничего толком не объяснив, отмахнулся от меня, мол, свои неприятности. Со следующего дня его караулят у дома, выдвигая ультиматумы. Иногда, не дождаввшись, заявляются в квартиру. Я открываю дверь, выслушиваю угрозы:

— Если к такой-то дате не будут деньги — подвесим его за яйца...

— А вас за какое место следует подвесить? —

огрызаюсь беспомощно, глядя на их бритые усеченные затылки...

Как-то, уже постфактум, участковый сказал мне:

– Что же вы не заявили в милицию? Отбили бы им печенки, чтобы неповадно было вымогать.

– А где гарантия, что ему – за то, что заявит, не отобьют эти печенки? Кто гарантирует ему безопасность?

Мы оставались наедине со своей бедой. Из разговоров со знакомыми выяснились аналогичные истории. Один водитель автобуса задел припаркованную на автобусной остановке иномарку. ГАИ составила акт: виноват водитель иномарки. Знакомый заявил, что никаких денег платить вымогателям не собирается: не виноват. После этого неизвестные подкарауливают его жену, возвращавшуюся с работы, и жестоко избивают. Затем подлавливают его и также избивают. Пришлось водителю обменять свою трехкомнатную квартиру на двухкомнатную, а доплату собственноручно отдать вымогателям.

А другого знакомого полгода держали за городом в гаражах, как раба, пока тот не согласился обратиться к родственникам – собрать требуемую сумму, после чего вывезли на шоссе и там оставили ловить попутки и добираться до дома. Вот такая перспектива.

Володю в течение месяца шантажируют:

– У тебя детишки ничего, да и жена ничего. Мы ее покажем денек, побьем на ее глазах кого-нибудь – этого будет достаточно...

Он стал приходить домой далеко за полночь.

Сама принимаю визитеров, не выказывая им ни малейшего страха. Не поверите: оставляю у порога с открытой дверью годовалую любопытную Юлю, держащуюся за косяк, и иду на кухню звонить мужу на работу и сообщать ему о визитерах.

Господи! Как же я рисковала! Что стоило им схватить малышку и уже с ее помощью манипулировать нами! Но я не допускала этой мысли. Какая-то куриная, безотчетная, безответственная храбрость. Я до сих пор не могу дать ей психологическое объяснение, казнь себя и холодею от страха за то, что могло бы быть.

ОТКУП

Однажды ночью приезжает из Новгорода сестра Володи.

– В чем дело? – удивляюсь я.

– Володя попросил, чтобы мы забрали тебя с детьми отсюда, а он остается.

– Что же ты надумал? – пристаю я к мужу.

– Мое дело, – отвечает мрачно.

Оказывается, раздобыв где-то гранату, решил расквитаться с вымогателями, подорвать себя вместе с ними, когда заташат в очередной раз в машину. Другого выхода он не видел.

– Нет, мне даже пальца на твоей руке жаль отдать за их жизни, – принимаю решение. – Давай сделаем так, как другие, – откупимся от этих подонков. Пусть унижительно, кощунственно несправедливо, но это единственный способ избежать рукоприкладства мерзавцев.

Так и поступили. Быстро задешево продали машину, а оставшуюся фантастическую для семьи сумму, выплачивать которую с нашей зарплатой придется полжизни, заняли под 40 процентов. Володя передал деньги, но домой вернулся униженный, растоптанный, раздавленный, обессиленный, не желающий жить.

– Давай считать, что мы пережили катастрофу, пожар, – успокаиваю его, как умею. – В патентоведении это называют форс-мажорной ситуацией. Давай жить дальше. Посмотри, мы все здоровы. У нас замечательные дети.

Но он отстраняется и, кажется, вовсе не слушает моих слов...

Семью оставляют в покое.

НОВАЯ РАБОТА

«О Господи, – думаю, выходя на площадку с мусоропроводом, – неужели больше не увижу тех подонков? Неужели больше не нужно бояться и опасаться за чью-то жизнь? Уже радость».

Спустя несколько месяцев Володя меняет работу. Один знакомый приглашает его строить бензозаправку.

– А деньги-то у тебя есть на строительство? – спросил его Володя.

– Деньги дадут, – пообещал новоиспеченный начальник. – Но пока будет идти стройка – зарплаты не жди.

Володя соглашается. Мне говорит:

— Давай потерпим несколько месяцев, потом получу большие деньги. Сколько можно в нищете жить?

— Остался бы ты на заводе. Вдруг прибавят зарплату. Все-таки завод, госучреждение, определенность какая-то, — пробую уговорить.

— Да все уже разбежались с завода.

— Не нравится мне твой «знакомый». Такой ужасный цвет лица у него.

— Он бывший подводник, облученный. Да ты его больше и не увидишь.

— Ну, делай как знаешь.

Просит меня:

— Поработай несколько месяцев на рынке, пока строим.

ОПИУМ УТОПИЙ

Я соглашаюсь, взяв на полгода отпуск за свой счет: все равно в институте не платят. Торгую молочными продуктами в конце города, в районе станции метро «Проспект просвещения». Работаю каждый день с десяти утра до десяти вечера. Надо признаться: мне нравится эта работа, общение с людьми, выслушивание жизненных историй бабулей, нуждающихся в общении. Иная надолго застревает около ларька, если нет очереди, сетуя на свое житье-бытье.

Как одиноки старики, лишённые соучастия. Стоит просто внимательно выслушать, и они счастливы. Встречаются и религиозные агитаторы из разных церквей, чаще иеговисты или брахманы. Приносят свои брошюры, красочные издания, рассказывая о культовых обрядах, порядках. Ради интереса я читаю эти книжки. Но есть нечто общее в методах этих сект: туда заманиваются, как правило, одинокие люди, имеющие жилплощадь, но без наследников. Естественно, как правило, после вступления в секту владельцы тут же вдрызг портят отношения со своими родственниками (такая, видимо, создается атмосфера, когда собратья по вере, сидящие рядом во время какой-нибудь общей постной церковной трапезы с воскурением благовоний, становятся ближе и роднее братьев-сестер) и завещают свои квартиры не племянникам, а церкви.

Несть числа одуроченным, но они счастливы, у них каждый день расписан по часам, ми-

нутам, молитвам, медитациям. Они наконец-то ощутили свою востребованность, значимость, общность с себе подобными. И всё это предоставляется сектами, где показано вегетарианство, облегчение и желудка, и ума, и собственности.

Не знаю, может, и действительно их самочувствие улучшается благодаря скудной диете, но должна же быть золотая середина. Да и вряд ли наши пенсионеры, пережившие блокаду, войну, хорошо питались когда-либо. Скорей всего, поколение пожилых людей и так страдало от белкового дефицита. А если держать на голодном пайке — то и мозг, и воля будут подавляться.

Я, например, если долго не ем мяса, сразу теряю в весе. Так, чего доброго, и ветром закачает. Помню эту фантастическую легкость после рождения детей, когда идешь с пустым бидоном за молоком — за спиной словно крылья, ощущение кайфа! Но трехлитровый бидончик с молоком казался 25-литровой канистрой. Это же от малокровия, от физической слабости. Вот такой парадокс.

Вспоминаю 93-летнюю тетушку Полю, ожидавшую естественного угасания, которой хотелось остаться в своих снах, быть рядом с давно умершими родителями, не просыпаться вовсе. Но зачем раньше срока, искусственно стремиться к этому состоянию? Погостите ещё...

И чему может научить людей такая нищая страна, как Индия, где до сих пор существуют касты неприкасаемых, где низкий уровень и продолжительность жизни? Разве что выживаемости в более худших условиях.

Я бы, пожалуй, переняла опыт у самых долгоживущих представителей процветающих в экономическом отношении стран.

Мне кажется, нищета материальная порождает стадность и нищету духа, и мы повсюду видим подтверждение этому, выйдя на улицу. В первом веке нашей эры Сенека говорил: всё, что нас окружает, влияет на наши мысли, самочувствие. Советовал: окружайте себя красивыми вещами, умными, замечательными людьми, слушайте прекрасную музыку — и мысли ваши будут прекрасными. Около сотни лет назад об этом сказано и в произведениях Уильяма Сомерсета Моэма, в романе «Луна и грош», например.

О том же самом пишет популярный Лазарев,

хотя использует другую терминологию — о положительной и отрицательной энергии окружающих нас вещей. Кто-то подарил мужу керамическую пепельницу в форме двух сложенных ладоней. Ну разве можно о ладони гасить окурки? По сути, вещь неудобная, некрасивая, вызывает глухое раздражение, а изящная, комфортная — доставляет массу удовольствия.

Всегда опасаясь стаек полуголодных пацанов, а также сбивающихся в кучки пьяных. Только в группе они чувствуют уверенность, смелы, могут напасть сообща, а поодиночке же, как правило, глубоко несчастны, бедны, голодны и не устроены в жизни. Их легко поднять под любое экстремистское знамя. Конечно, это проблема и диагноз общества, сигнализирующий о неблагополучии в нем. Где тонко — там и рвется. От бедности — беды!

Какой-то умный журналист провел расследование в одной из женских колоний и выяснил, что более 90 процентов преступниц — это девочки, нежеланные и нелюбимые в семье и, как правило, из неполных семей, то есть безотцовщина.

Ведь что такое раковая опухоль? Одна клеточка твоего же родного организма, можно сказать, твое дитя, вдруг отторгается от тебя, начав самостоятельно существовать, плюет на генетическую программу размножения один к одному, плюет на окружающие клетки, жестоко используя их для своей жизнедеятельности, и с катастрофически огромной скоростью порождает себе подобных, разрастаясь порой до гигантских размеров, и разрушает тебя. Почему природа таким образом реагирует на неблагоприятные факторы? Как понять ее, Природу? Ученый методом «тыка» обнаружил, что выделенный из коры таволги аспирин снижает температуру, а вот до механизма действия аспирина так и не докопался. Интересно, что человек может быть в прямом смысле «ядовитым», то есть накапливать в себе яды и отравлять ими не только окружающих, но и самого себя. Оказывается, злоба, негативные эмоции — страшный разрушающий яд для человека, а признаки, в буквальном смысле, — на лице. И как же благотворны смех, радость, чье-то внимание, не говоря уже о любви — чудодейственном бальзаме, от которого расцветают детская душа и талант. Понятно же, что нужно для подобных эмоций: каждому — свое. Кому-то хо-

тя бы сытость, крыша над головой, защищенность, комфорт, кому-то — улыбка ребенка, выглянувшее из-за тучи солнышко, замечательная книга, фильм, кому-то — добрый попутчик в поезде. Мне кажется, из этого следует естественный закономерный вывод, подходящий как для макро-, так и для микросистемы: не доводить организм до бунта, создавать гармоничные или хотя бы сносные условия существования всех систем и органов, ни о ком не забывать. Ведь абсолютно все они важны, даже аппендикс, роль которого в расщеплении пищи недавно выяснена. А все, что не используется, природа выбраковывает, ведет свой неумолимый, не видимый вооруженным глазом отбор. А хотелось бы с ней дружить...

И все же сама по себе жизнь интересна, то есть в каждом дне можно встретить что-то забавное: например, только недавно ученые догадались, где верблюд хранит запасы воды для организма. Ведь, попив из колодца, он справляет естественную нужду, а потом может дней десять не пить. Оказывается, в эритроцитах создается водяной запас: те разбухают и, как миниатюрные цистерны с водой, циркулируют в крови, экономно тратя воду и по пути сплюсываясь, худея. А мы-то думали — в горбах. А сколько еще загадок! Почему жираф с его длинной шеей не теряет сознание, поднимая голову вверх, и не страдает гипертоническими кризами, опуская ее к земле? Оказывается, природа позаботилась — выстроила в кровеносных сосудах, идущих к голове, своеобразные ступеньки-порожки, препятствующие как резкому оттоку крови, так и резкому ее приливу к голове.

Представляю себя со стороны и удивляюсь: неужели это я стою сейчас за прилавком в белом халате, колпаке и взвешиваю сметану, творог, наливаю в бидончики молоко? Мне эта роль нравится.

В конце рабочего дня приятное ощущение выполненного долга. Грею кипятивником воду, мою посуду. Наведя чистоту, идеальный порядок, возвращаюсь домой.

Привыкла в метро спать, благо, от конечной до конечной. Почти без выходов. Иногда подруг прошу подменить, Зину или Веру. Они всегда откликаются без слов. Кормлю семью.

БЕНЗОЗАПРАВКА

Заправку строят четыре месяца. Схема строительства, как я по-женски, одним ухом поняла, была такова: на территории будущей заправки функционировал магазин автозапчастей и стройтоваров, а выручка шла на стройку. В этот же магазин сестра Володи привезла на продажу сруб дома из Новгорода, который выставили во дворе магазина.

Володя не доносит до дома даже формальную мизерную зарплату. Оправдывается:

— Ты же знаешь, я не могу с людьми не по-человечески поступить. Я отдал свою зарплату работникам.

Оказывается, начальник имеет такую привычку: наняв какого-нибудь «синяка» копать канаву, обещает заплатить, а когда приходит час расплаты, заявляет Володе:

— Дай ему на бутылку, да и дело с концом.

Знаю, что Володя никогда так не поступит. Такой уж человек — с себя снимет и отдаст. Никого не может обидеть, осудить, отказать.

Помню, живя в коммуналке, к нему часто обращалась за помощью школьница-соседка. Придет с математикой, и тот терпеливо, часами объясняет ей решение задач, примеров, раздражая меня своим характером. Хоть бы какой регламент устанавливал. Так нет же, с головой уходит в объяснения, в свою добродетель, всегда кому-то что-то ремонтирует, умник.

Как-то в поликлинике, деля для медицинской книжки флюорографию, объявила свою фамилию. Стоящий сзади мужчина спрашивает, — уж не жена ли я такого-то человека, под начальством которого он работал на заводе?

— Да, — киваю.

— Хороший человек, — продолжает рабочий, — на заводе не чурался никакой работы, всем помогал — делом, советом, умница: с закрытыми глазами в любой технике разбирался. Одним словом, голова...

Конечно, приятно это все слышать, но жить хлопотно...

Иногда начальник по бензозаправке звонит и радостно шутит:

— Ну что, Антонина, летом на Канары поедем отдыхать?

— Да ладно вам шутить, — отмахиваюсь.

Конечно, не воспринимаю всерьез. Но надеюсь, что не зря терплю холод в ларьке, а Володя пропадает на стройке. Ноябрь на дворе. Строительство подошло к концу. Заправка функционирует. Ждем оплаты за труд.

(Окончание следует)

Антонина Александровна КАРИМОВА (АНАНЬИНА)

родилась на Вологодчине.

Поэт, прозаик.

Публикуется с 1979 года.

В 2002 году вышел сборник стихов «И налегке, и с ношею»;

в 2005-м — книга прозы «Ну и семейка».

Лауреат премии им. Н. В. Гоголя (2007 г.).

Живет в Павловске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

